

ПРИХОДСКАЯ №50

Газета

МАРТ - АПРЕЛЬ 2007

ХРАМА СВ. БЕССР. КОСМЫ И ДАМИАНА В ШУБИНЕ

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО НЕ ЗА СМЕРТЬЮ, А ЗА ЖИЗНЬЮ

Христос воскрес! Праздник Воскресения Христова говорит нам о том, что последнее слово не за смертью, а за жизнью. Христос умер на кресте страшной смертью, не только брошенный, оставленный людьми, не только преданный учеником, не только окруженный ненавистью, но и познав в Своем человечестве весь ужас потери Бога и этим приобщившись нам в самом страшном, самом ужасном, что есть в судьбе человека. «Боже Мой, Боже Мой, зачем Ты Меня оставил?!» — воскликнул Он, умирая на кресте, разделив с нами (причем в такой мере, в какой мы сами не переживаем) ужас последней нашей измены Богу, которая влечет за собой потерю Его и смерть. Последнее слово не за этим, последнее слово за воскресением, за победой жизни над смертью, Бога над злом; и это — основа нашего ликования.

Но путь, ведущий к воскресению, не иной, чем был путь Христов, и для каждого человека, и для всей совокупности церковной,

и для всякого народа. Это путь крестный, путь, на котором че-

его делает рабом, а не свободным человеком, отказывается от себя ради того, чтобы быть способным всем сердцем, всем умом, всей крепостью — да даже и всей немощью своей — и, если нужно, жизнью и смертью служить Богу и ближнему своему. Это — наше призвание.

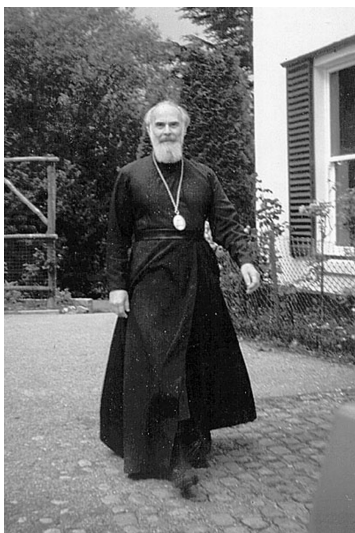
Христос нам обещал соединиться с нами в таинстве Причащения. Он нам говорит в Евангелии: Примите сей Хлеб, пейте все от этой Чаши... Но до этого Он Своим ученикам другую чашу предлагал, вернее, иное условие ставил: если вы не будете пить Моей чаши, если вы не погрузитесь *в ужас*, который Мне предстоит, то вы не можете быть Моими учениками... И это говорится нам, теперь — не только нам, не только нам, здесь собравшимся, не только верующим, находя-

Воскресение — Сошествие во ад. Мозаика из монастыря Дафнии (Греция). XI в.

ловок шаг за шагом отказывается от всего, что его отвлекает, от всего, что его порабощает, что

щимся на просторах нашей Родины, *но всем*, потому что это закон *человеческой*, а не только христианской

жизни. Надо отказаться от себя, надо умереть так, чтобы ничто нас не привлекало, кроме того, что являет достоинство человека, чистоту, правду, истину его жизни.

И теперь перед Россией стоит

этот вопрос: вопрос о том, чтобы *каждый* отказался от всего того, что его делает рабом предрассудков своих, рабом ненависти своей, рабом прошлого своего, рабом всего, что разделяет людей и восстанавливает одного человека против другого. Верующий ты или неверующий, христианин или не христианин, — если ты ЧЕЛОВЕК, ты должен отказаться от ненависти, увидеть в другом человеке брата (пусть и заблуждающегося; хотя, может, заблуждаешься ты, а не он) и искать общего языка для того, чтобы *возродилась* Родина наша, чтобы возродился на Родине нашей мир, взаимная любовь; чтобы созидательная работа началась общими силами верующих и неверующих: и тех, кто вчера был гонителем и врагом, и тех, которые вчера были мучениками и жертвами. Соединимся же *все*: здесь — молитвой, там — страшным подвигом самоотречения

и принятия Христовой жизни вместо своей. Соединимся все для того, чтобы возродилась наша Родина, чтобы возродилась Церковь наша, которая порой так низко падала в лице отдельных своих членов — и оставалась непорочной, чистой, как Тело Христово. Потому что Церковь — это место встречи между Богом и человеком, и ничто не может ее осквернить; она — Тело Христово, она — дом Святого Духа.

Каждый человек в темноте, во мраке своем несет *искру* вечной жизни, присутствие Самого Бога. Положим же все — молитвой, подвигом — начало доброе, и да воскреснет каждая душа, да воскреснет Родина наша, да воскреснет Церковь наша!

Христос воскрес!

Антоний, митрополит Сурожский
Лондон,

Пасха Христова, 26 апреля 1992

протоиерей Александр МЕНЬ

ПРОПОВЕДЬ В НЕДЕЛЮ АПОСТОЛА ФОМЫ

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Сегодня день апостола Фомы. Вы помните, что Господь явился ему особо. Десять учеников были вместе, когда Господь, победивший смерть, пришел к ним и сказал: «Мир вам!» Драгоценные слова: Он принес в души человеческие мир, тот мир, который сейчас и к нам приходит. И вот Он с ними беседует, и посылает их проповедовать слово Божие. А одного среди них нет — Фомы. И когда он приходит, все бросаются к нему и говорят: «Брат наш, Фома! Мы видели Господа, мы видели Его живым, мы прикоснулись к Нему!» И такая боль, такая обида в сердце Фомы вскипела, что он сказал: «Не верю!» Хотя ему говорили десять

человек, его братьев, он сказал: «Не поверю, пока я своими руками не потрогаю Его ран, не буду осязать Его тело, ожившее вновь».

И вот проходит время, снова собрались ученики, заперли двери, потому что они боялись преследований, и внезапно снова раздается знакомый голос, голос Иисуса: «Мир вам!» И Он стоит среди них. И первый, к кому Он обратился, — это Фома. Иисус говорит: «Фома, дай твою руку, прикоснись к Моим ранам, удостоверься, проверь». Конечно, Фома не стал этого делать, только увидел Господа он, потрясенный, пал перед Ним со слезами: «Господь мой и Бог мой!» А Иисус сказал ему: «Вот ты поверил, потому

что увидел. Но счастливы те, кто верит, не видя».

Кто же это? Это мы с вами. Мы не видели Господа во время Его земной жизни. Но мы видим Его своими духовными очами, Он живой среди нас, и нам не надо прикасаться к Нему. Сколько было людей, которые видели Его собственными глазами, слышали Его слово, шли за Ним по дорогам — и не поверили, потому что сердце их не отозвалось на зов Христов. А мы с вами на этот зов отозвались — слабые, немощные — разные, все пришли к Господу со словами: «Господь мой и Бог мой».

И стоит только это сказать, как мы будто бы действительно осязаем Господа, потому что все, что

ВИДЕТЬ ВОСКРЕСШЕГО

ПРОПОВЕДЬ В НЕДЕЛЮ ЖЕН-МИРОНОСИЦ

нас окружает, — От Него и все — Его. Мне вспоминается один ученый, который много лет провел над изучением цветов, деревьев, трав, вообще растений и животных. Все это он записывал и составлял огромные списки, которые и через триста лет, до сих пор, во всем мире используются. И вот, когда он закончил свой труд и описал живые создания, он сказал: «Бог прошел мимо меня, я осязал Его в Его творении». И в самом деле: солнце над нами есть око Божие, дыхание ветра — голос Божий, все законы этого мира — законы Божии, все превратности и повороты нашей судьбы — это тоже Господь. Мы Его осязаем и видим и в молитве, и в Священном Писании, и в таинствах. Когда Святая Чаша выносятся к нам — это живой, реальный Господь, Который присутствует здесь, в этом храме, как и во всех храмах земли. И не только в храмах: всюду, где люди молятся Ему, — далеко на севере, в пустынях и горах, в многолюдных городах, где скопище миллионов людей, — всюду есть души, обращенные к Господу, и они Его видят, осязают, поэтому они счастливее, блаженнее во сто крат, в сравнении с теми, кто жил две тысячи лет назад, но не верил в Него. Господь с нами, Он здесь, живой, воскресший, дающий нам благословение, и мы сегодня вместе с Его апостолом Фомой перед Ним склоняемся и говорим: «Господи, ты передо мной живой, Господь мой и Бог мой». Аминь.

Уверение Фомы. Мозаика из монастыря Дафнии (Греция). XI в.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

В сегодняшнем Евангелии есть такие слова, которые произносит Иисус Воскресший Марии, когда она сначала принимает Его за садовника и просит указать место, куда он положил тело Иисуса, чтобы она его взяла, и тут этот незнакомец, как ей показалось, называет ее по имени: *Мария!* И она узнает голос, она понимает, что это Учитель, и она к Нему обращается: *Раввун!*..

Это тоже такая дистанция: Господь зовет нас по имени, а мы зовем Его: *Учитель*. Она понимает, что все это свершилось, и вдруг Иисус говорит ей загадочные слова: *Не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему; а иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему и Богу Моему и Богу вашему*.

Почему Иисус говорит ей: *не прикасайся ко Мне?*

Вспомним слова, которые Господь говорит Фоме: *Вложи персты твои в раны Мои, и будь не неверующим, но верующим*. Фома, вроде бы, собирался коснуться Жизнеподателя ребра Спасителя, однако, по евангельскому тексту видно, что он не дерзнул. Ему достаточно тех слов, что Господь сказал ему: что было в сердце ученика, Господь о том же самом говорит ему прямо. И Господь говорит: *Ты уверовал, потому что увидел*.

То есть Фоме достаточно было увидеть. Блаженны же *не видевшие, но уверовавшие*.

В другом месте Евангелия от Луки Господь говорит ученикам: *Осяжите Меня* и увидите плоть и кости, потому что вы думаете, что увидите дух, но дух плоти и кости не имеет, как Меня видите имеющим. Там тоже сказано, что они не прикасались, а только увидели это. И лишь в одном месте Евангелия от Матфея сказано, что когда Господь

явился женщинам, пришедшим ко гробу, *они ухватились за ноги Его*. В трех из четырех Евангелий говорится о том, что жены-мироносицы только видели Иисуса, и лишь Евангелие от Матфея говорит, что они ухватились за ноги Его.

Евангелие от Иоанна, как мы знаем, говорит более о духовной стороне, о духовном смысле событий Истории Спасения, потому здесь, по-видимому, содержится нечто другое. Иисус говорит: *Не прикасайся ко Мне, а иди и скажи ученикам Моим. Восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему*. При этом Он говорит: *Я еще не восшел к Отцу Моему*. Здесь имеется такой тонкий момент: вначале Он говорит: *К Отцу Моему*, — но тут же, как бы желая приблизить нас к Нему и, в то же время, оставляя очевидным, что прежде всего Он — Бог, Он и говорит: *к Отцу Моему и Отцу вашему и Богу Моему и Богу вашему*.

Мы видим, что после воскресения Господь является ученикам так, что они не сразу Его узнают. В истории со спутниками, идущими в Еммаус, Лука и Клеопа узнают Его

только по голосу своего сердца, когда Он за трапезой преломляет хлеб: *они узнали Его в преломлении хлеба*. А до этого шли, разговаривали обо всем, - но так и не узнали.

Мы видим, что в сегодняшнем Евангелии Мария тоже не узнает Христа. Можно сказать, что она не ожидала, была не готова и т. д. Но вдруг что-то изменилось. Что именно - Господь нам не открывает.

Я думаю, что здесь имеется некое символическое обозначение... Человеку всегда хочется знать точно: а все-таки какой именно была Его плоть, когда Он воскрес? Господь нам приоткрывает эту тайну, но не дает войти в нее в полной мере.

Вот мы имеем дивный памятник Воскресения - Туринскую Плащаницу, которая исследуется самыми современными методами. Она убеждает, причем, в наибольшей мере - самих исследователей, в том, что действительно произошло Чудо Воскресения. И первые, кто фотографировал ее, кто исследовал тончайшими криминалистическими методами волокна Плащаницы, расположение пятен и т.д., - уверовали в совершенно полной мере. При том, что до этого были скептиками и неверующими. Когда человек прикасается к тайне, даже не постигая ее целиком, он поддается ее влиянию, ее обаянию, которое трудно передать другим людям. Они могут сказать, что с ними что-то произошло, они пережили какое-то особое психическое состояние. Но для убеждения других это совершенно не очевидно. Это тайна.

И вот в этих словах: *Не прикасайся ко Мне*, - мне кажется, Иисус обозначает эту тайну. Есть некая дистанция между Божественным Воскресением и людьми, между Божественным бытием и нами. Но, в то же время, Иисус тут же перебрасывает мостик между этой тайной и нами, говоря: *Восхожду к Отцу Моему и Отцу вашему и Богу Моему и Богу вашему*.

Я думаю, что во многих таких возвышенных и очень важных вещах нужно помнить известные святоотеческие слова о том, что перед тайной необходимо более

молчания, нежели желания проникнуть в нее. Прежде чем стремиться понять, что же на самом деле произошло, я думаю, что для нас гораздо важнее увидеть то, что Господь ставит как бы некое средостение между нами и событиями. Событие становится очевидным по всему, что его окружает, до и особенно после него. Рука апостола Фомы как бы останавливается в одном только желании, до самого прикосновения, - потом рука отдергивается, и достаточно того, что он видел. А еще блаженнее - тот, кто не видел и уверовал. И главное, - говорит Господь, - не в том, что ты прикоснулся к этой последней тайне, это мало что изменит в твоём жизненном пути, - а в том, что предстал перед тайной.

А теперь всем ученикам предстоит другое: идти и говорить об этой Тайне. Идти и свидетельствовать об этом чуде, которое меняет историю, - историю всего человечества и каждого отдельного человека. Потому что это вхождение Бога в нашу жизнь во всей полноте возможно для каждого человека. *Отцу Моему и Отцу вашему* - это значит: мы станем детьми Божиими.

Это - тема Иоанна, который в начале своего Евангелия говорит: уверовавшие получили власть называться сынами Божиими, потому что они от Бога родились. Это чудо внутреннего рождения, которое каждый действительно уверовавший человек может если не отметить с хронологической точностью до минуты, то, во всяком случае, обозначить с точностью до года и месяца: что, да, в это время что-то произошло в моем восприятии мира, меня и Бога. Я действительно стал каким-то другим человеком, что-то во мне произошло.

Вот это, наверное, самое главное - и тот, с кем это произошло, тот слышит слова: Иди и свидетельствуй. Не храни это для себя, не думай, что это нечто очень тонкое, интимное, чем нельзя делиться с другим, - нет, это предназначено не только для тебя, а чтобы ты об этом говорил другим.

Аминь.

19 мая 2001 г.

Служба милосердия и благотворительности Российской детской клинической больницы, созданная в 1989 году по инициативе отца Александра Меня, - одна из старейших благотворительных организаций в новой российской истории. После гибели отца Александра больничная Группа милосердия стала частью Космодемьянского прихода и окормляется священником Георгием Чистяковым.

С 1993 г. в больнице работает храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы, настоятель которого - отец Георгий.

Рассказывает руководитель Службы милосердия, Президент Регионального общественного благотворительного фонда помощи тяжело больным и обездоленным детям Лина Зиновьевна Салтыкова:

«Важнейшая задача Службы милосердия РДКБ - помощь больнице в обеспечении маленьких пациентов качественным современным лечением. За годы работы в РДКБ мы смогли помочь выжить и обрести здоровье нескольким тысячам детей.

Служба милосердия больницы работает в тесном контакте с администрацией и врачами РДКБ, помогая решать как повседневные (обеспечение пациентов жизненно важными медицинскими препаратами), так и стратегические задачи (развитие новых медицинских технологий). Каждый день к нам приходят со своими просьбами врачи, дети и их родители. Мы помогаем всем нуждающимся, независимо от их национальности или вероисповедания.

С 1998 года адресный сбор средств на лечение детей ведется нами через интернет-сайт www.deti.msk.ru - первый в России благотворительный интернет-проект.

Наши волонтеры - музыканты, художники, арт-терапевты, клоуны, фотографы, мультипликаторы, - оказывают детям психологическую поддержку, помогая отвлечься от болезни. С помощью волонтеров дети готовятся к поступлению в вузы, учат иностранные языки и осваивают компьютерные программы, получая, возможно, первые навыки будущей профессии. Мы хотим, чтобы время, проведенное в больнице, не было вы-

черкнуто из жизни ребят, а, вопреки тяготам болезни, стало ступенькой во взрослую жизнь, в которой они найдут свое достойное место.

Коротко об итогах прошедшего, 2006 года.

• Как всегда, интенсивно работала наша главная программа — **по закупке медикаментов и расходных материалов, временно отсутствующих в больнице. Также мы закупали дорогостоящие препараты и расходные материалы, которые не входят бюджетные поставки, но необходимы пациентам по жизненным показаниям или существенно повышают качество их лечения.** По большей части адресатами закупок были отде-

лами, которым не могли помочь у нас, при финансовой поддержке фонда были отправлены на лечение за..

• В 2007 г. мы открываем новую программу — **по реабилитации детей, прошедших тяжелое онкогематологическое лечение.** Совместно с врачами разрабатываются программы реабилитации для этих детей, куда будут входить и медицинская, и психологическая помощь..

• Хочется особо отметить наш **новый большой проект «Дом Надежды»** — пансионат для проживания амбулаторных пациентов РДКБ отделений онкогематологического профиля. Мы очень благодарны нашим итальянским партнёрам из

навливаются после блоков химии.

• Еще одна важная программа, по которой мы работали в этом году и получили уже неплохие результаты, — это **программа оказания медицинской помощи в РДКБ детям, оставшимся без попечения родителей «Ты — не один».** В этом году у нас прошли лечение 86 детей, оставшихся без попечения родителей. Дети обеспечиваются медикаментами, памперсами, средствами личной гигиены, детским питанием, одеждой. Детей в возрасте до 8 лет, а также более старших, имеющих особые проблемы ухода, мы обеспечиваем нянями. За время работы программы у нас образовалась сплоченная команда волон-

МИЛОСЕРДИЕ

ления онкогематологии, трансплантации костного мозга, онкологии. Помимо этого в больших количествах покупались расходные материалы и оборудование для отделений челюстно-лицевой и микрососудистой хирургии, офтальмологии, отоларингологии. Всего на цели обеспечения лечения было собрано и потрачено более 17 млн. рублей. Очень хочется поблагодарить всех, кто нам помогал! Нам очень трудно пришлось в конце 2006 года, но с помощью наших друзей мы справились и ни один ребенок не прервал своего лечения. Это удалось только благодаря помощи многих и многих людей и организаций!

В 2006 г. фонд продолжал поддержку ряда постоянно действующих программ:

• Мы продолжаем участвовать в финансировании **программы неродственной трансплантации костного мозга.** В 2006 г. фондом собраны средства на поиск и активацию неродственного донора костного мозга и очистку клеток одного из родителей для гаплоидентичной трансплантации для 7 детей.

• Ряд детей с онкогематологическими и онкологическими диагно-

ассоциации “Aiutateci a salvare i bambini”, которые внесли основной вклад в покупку и ремонт дома. Эксплуатация «Дома Надежды», который работает с октября 2006 г., осуществляется целиком на благотворительные средства, пожертвованные нашими соотечественниками. Обеспечение дома водой, теплом и электричеством полностью автономно. Благодарим всех, кто помог нам приобрести электрогенератор для «Дома Надежды»: он используется, когда в поселке отключают электричество, что случается довольно часто. Но дети и родители, живущие в нашем доме, этих отключений не замечают: электро- и водоснабжение дома работает без перебоев. Дети с удовольствием живут в пансионате. Им там весело и уютно. В этом доме замечательная аура и дети хорошо восста-

теров, которые занимаются детьми-сиротами. Это замечательные люди — молодежь, студенты, женщины и мужчины разного возраста и рода занятий. Пока неясно, сможем ли мы оказывать одновременную помощь большому количеству детей, чем сейчас. Здесь есть немало проблем. Надо учитывать, с какими заболеваниями и из каких регионов поступают пациенты. Не всегда дети, которым у нас была оказана хирургическая или терапевтическая помощь, по месту жительства выполняют все рекомендации наших врачей. А значит, лечение может пойти насмарку. Такие случаи уже были. Бывает, что детей не привозят на повторную госпитализацию. Есть случаи, когда ребенка просто нельзя отправить домой, потому что там он перейдет в другой статус и будет отправлен в дом инвалидов, откуда его на лечение больше не привезут. Понятно, что

во всех подобных случаях детей возникает проблема, как обеспечить ребенка возможностью полноценно продолжить лечение вне стационара в промежутках между госпитализациями. Ведь больница не может держать этих детей в стационаре месяцами и

Если Вы хотите помочь детям или стать волонтером, пожалуйста, свяжитесь с сотрудниками Службы милосердия имени о.Александра Меня храма свв. бесср. Космы и Дамиана в Шубине, которая действует в Российской детской клинической больнице.

Телефоны:

(495) 130 64 42, 936 91 66 (тел., факс)

E-mail: deti@blago.ru

Вы можете лично обратиться к координатору Службы милосердия РДКБ и одновременно регенту правого хора храма Космы и Дамиана, Марине Насоновой

Интернет-сайт: www.msk.ru

“Живой журнал”: http://community.livejournal.com/help_save_child/

годами. Поэтому, конечно, хотелось бы иметь возможность устраивать детей на период реабилитации между курсами стационарного лечения в какие-то учреждения, где им будут обеспечены адекватный уход и выполнение всех назначений врача, или самим организовать дом для сирот, чтобы они в перерывах между лечением могли находиться под наблюдением врачей РДКБ, что очень важно. Большим и важным делом 2006-го года я считаю **ремонт и оснащение игровых комнат в двух тяжелых отделениях больницы — онкологии и трансплантации почки.** В 2007 году будет продолжена работа по проектам «Игротека в детской больнице» и «Арт-терапия» под руководством волонтеров и наших помощников — профессиональных психологов и художников. В отделениях онкологии, онкогематологии-16 и 27 продолжит занятия Группа цветомузыкальной терапии. Продолжают работать больничные изостудии. Мы благодарим художников-волонтеров, которых в этом году особенно много.

В сферу заботы фонда входит организация праздников и досуга детей. Это — новогодние праздники с фейерверками и вручением именного подарка каждому пациенту РДКБ; это — концерты и посещения знаменитостей, проведение ежегодных выставок художественных работ детей.

Предмет нашей постоянной заботы — оказание социальной помощи пациентам из малоимущих семей (размещение информации о нуждающихся в прессе, на телевидении, в «Живом журнале» и других электронных средствах). Мы не можем точно оценить объем оказываемой помощи, значительная часть которой поступает непосредственно в руки родителей. Тем не менее, по средним цифрам это примерно 2 млн. руб. в год.

В заключение хочется искренне поблагодарить всех волонтеров, которые работают с нами. Пришло много новых людей, много молодежи, студентов, которые замечательно находят контакт с детьми, с ребятами-подростками, которым в больнице особенно трудно. Очень много людей всем сердцем откликается на просьбы о помощи детям-сиротам. Сердечно благодарим всех тех, кто помогал нам, и надеемся, что вы останетесь с нами. Без вас нам не справиться!

ТВОРЧЕСКИЙ КЛУБ

16 марта в подростковом клубе наблюдалось естественное для вечера пятницы оживление: все суетились, куда-то ходили, разговаривали по телефону. Тем не менее, место события имело несколько необычный для обычного клуба вид: на столах было разложено множество цветных тряпок, тесемок, птичьих перьев, пластиковых стаканчиков, ниток. И среди всего этого хаоса сидели подростки и обменивались мнениями за прошедшие две недели. Но в какой-то момент наступило затишье, и было объявлено задание. Из имеющихся материалов надо было сделать фигурку, соответс-

твующую вашему настроению в данный момент.

Пятисекундная тишина... и тут все вновь начали разговаривать. Теперь главной темой звучало: кто и что будет делать. Я решила придумать «коллективное» настроение. Для чего взяла себе в пару Максима. Согласно замыслу, это должен был быть дирижабль, имеющий оттенок нашего с Максимом настроения. Поэтому за «единицу настроения» мы взяли шарики из фольги, которые клали в два прозрачных пластиковых стаканчика, стянутых между собой желтой ленточкой. Шарики получались и маленькими и большими, и неплохо соответствовали настроениям хорошему, плохому и

КАКОГО МЫ ДУХА?

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ХРИСТИАНСКИХ САЙТАХ

Заглядывая иногда на христианские сайты, я стала задумываться над тем, как многообразно, видимо, понятие «православный христианин». Конечно, «надлежит быть разномыслию», но, казалось бы, непреложной для людей, относящих себя к данной категории, должна быть преданность заповедям любви, прощения, милосердия. Ведь именно это главное в Благой Вести, данной нам нашим Господом и Учителем!

Но зачастую невозможно отыскать даже слабый отголосок темы любви Христовой при оживленном обсуждении на форумах участниками - православными христианами, далеко не евангельских тем: о врагах России, о засилье евреев, «кавказцев», о ненавистной Америке и т.д. Имя Иисуса

Христа почти никогда при таких обсуждениях не вспоминается. Сплошь и рядом происходит какая-то нелепая подмена понятий: под православием понимается любовь к России, забота об интересах Отечества, патриотизм, всегда сопряженные с ненавистью к инородцам, иноверцам и всяческим супостатам. И вообще-то люди имеют право так думать, так чувствовать, как это ни печально. Но при чем же тут Господь, в «зраке раба» пришедший на грешную землю и кровью Своей пречистой искупивший нас от греха, учивший любить врагов, говоривший ученикам: «Не знаете, какого вы духа» и «Вложи меч свой в ножны», призывавший: Да будете сынами Отца Вашего Небесного; ибо Он по-

«так себе». Когда настроений стало много, мы стянули ленту между стаканчиками, и корпус дирижабля принял естественный вид. Теперь оставалось сделать завершающие штрихи на корпусе, закрепить конструкцию и приниматься за работу над крыльями, хвостом и головой — должен же наш корабль... думать! Как долго мы с Максимом ни мучались — крылья не выходили. Пришлось бросить это дело и заняться головой. Голову мы сделали из сложенной в несколько раз белой ленты и большого пера, ставшего украшением главной мыслительной части этого «коллективного» настроения. Недолго думая, мы завязали часть ленты сзади узлом — получился хвост. Этот хвост, к моему большому удивлению, встал торчком, и вся фигурка стала напоминать толстую таксу с пером на голове. Но такса таксой, если мы

считаем, что это дирижабль, значит это и есть дирижабль. Критический оглядев фигурку, я поняла, что еще есть шанс сделать крылья. Крылья мы сделали из толстых шерстяных ниток, стягивающих голову и хвост, а в самом толстом месте растянули с помощью красного кружева.

Вокруг еще во всю кипела работа, но ведущие поторапливали самых медлительных. Вот завершающие штрихи сделаны, и объявляется следующее задание: нужно рассказать про свою фигурку и объяснить, почему она вышла именно такой. Например, Марина, ведущая, сделала золотого ангела, потому что у нее «золотое» настроение. А Петрович сделал колобка из ниток, которому приделал глаза. Ваня Краснов сделал конус из стаканчиков, у которого были длинные руки из проволоки и желтые волосы. На вопрос, почему руки такие длинные,

Ваня ответил, что так получилось. Влад сделал нечто ни на что непохожее, из трубочек, торчащих во все стороны. Это нечто не имело ни названия, ни идеи, зато полностью отражало настроение Влада. Было еще много замечательных работ-настроений: из стаканчиков и фольги, из трубочек от сока; самыми замечательными получались объемные аппликации на ткани...

Скоро все закончили представления своих работ, вдоволь посмеялись. Но тут было объявлено самое желанное мероприятие клуба — просмотр фильма о летнем лагере 2006! И оказалось, это то, в чем мы все вполне единодушны. После просмотра фильма желающие могли выпить чашечку чая и расходиться по домам. Вот такой вот был творческий клуб!

Лизавета АСТРЕЦОВА

велевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных, молившийся о распинавших Его... Давайте все же разделять понятия: можно быть пламенным патриотом Отечества, но поверьте, мы совсем не обязаны «в комплекте» с любовью к Отечеству и ненавистью к его врагам - реальным или мнимым, считать себя еще «православными христианами»! До того времени, когда благословенное учение Господа нашего Иисуса Христа войдет в нашу душу и наполнит ее радостью веры, благоговением перед Божьим творением, смиренным осознанием собственной греховности и пониманием несовершенства других, стремлением изменить себя и прощением грехов окружающих. И когда это произойдет, поверьте - уже невозможно будет написать на Православном Форуме низменный анекдот с торжествующей концовкой... встает русский - и со словами «Да здравствует Африка!» выкиды-

вает из самолёта двух негров», или снисходительно объяснять, что «по сути» крики Зиг Хайль это всего лишь - Да здравствует Победа. А без Зиг - и вовсе лишь пожелание здоровья человеку или пожелание целостности и процветания своего государства. Что, по логике автора реплики, должно ласкать слух граждан страны, пережившей фашистское нашествие.

На известном Православном Форуме, благодаря которому совершаются очень многие и важные дела милосердия, читаю, к примеру, такие фразы (гордо подписанные именами моих братьев во Христе, с уточнением - «православный христианин»: «Капитан Ульман - не преступник, а солдат, выполнявший свой долг»; «Судить нужно тех, благодаря кому ч. чувствуют себя хозяевами в наших городах, а не Русского офицера, сражавшегося с теми, кто убивал и продолжает убивать нас... Помогите ему Бог»; «Выполняя боевую задачу обязательно кого-то убиваешь»;

«Поддержите капитана Ульмана» и т.д.

Вспоминаются строки Булата Шалвовича Окуджавы:

Пустые лозунги любви
из года в год теряют цену,
хоть поспиней до хрипоты,
хоть бейся головой об стену...

...Сегодня была на воскресной Литургии, не в моем «родном» храме, а в том, что поближе к дому. Все радовало: и служба, и проповедь молодого священника удивительно глубокая, и такие родные люди, которые молились рядом, а потом улыбались друг другу во время щедрого окропления на Водосвятном молебне.

Так ли важно, в конце концов, что эти люди думают в «свободное от храма» время о допустимости убийства мирных жителей капитаном Ульманом? Или о «засилье «черных» в Москве? Или о «еврейском заговоре»? Или о ненавистных католиках и прочих там «сектантах-протестантах»? Действительно ли это важно, или я усложняю проблему, и эти

«маленькие особенности» индивидуальных взглядов христиан на жизнь не нарушают нашего единства?

И хотя испытываю чувство бес-
силлия, сталкиваясь с подобными
мнениями православных братьев,
но трудно удержаться от попыток
понять, поговорить, достучаться, до-
кричаться. Ниже привожу свой ответ
в Форуме на высказывания право-
славных «форумчан» по теме суда
над капитаном Ульманом, надеюсь,
что, может быть, это станет поводом
для нашего серьезного разговора на
сложную и болезненную тему.

Дорогие мои братья во Христе!

Ваши взгляды разделяют многие,
люди ожесточились до крайности и
если судить о приближении «послед-
них времен» по указанному в
Евангелии признаку - «оскудеет в
людях любовь», то времена эти не за
горами. Я бы не стала отвечать, если
бы ни слова рядом с вашими имена-
ми: «православный христианин».

Итак: *“Группа военных обстре-
ляла автомобиль с шестью граж-
данскими. Ловили бандитов, но
ошиблись. В результате убили
старика – директора местной
школы. В машине было еще пятеро
- учитель той же школы, беремен-
ная женщина с родственником,
лесник и инвалид. Проверив их
документы и посоветовавшись по
рации с руководством, военные
расстреляли всех пятерых, сложили
трупы в машину, облили бензином
и подожгли. Группу, совершившую
расстрел, судил суд гражданских
присяжных. Он оправдал. В защиту
руководителя группы выступает
общественность, собираются
подписи и проводятся митинги...
Трудно требовать от офицера пос-
реди грязи и крови чеченской войны,
чтобы он был этичнее и моральнее,
чем общество, его туда послав-
шее. А оно Ульмана не осуждает.”*
(Алексей Мазур: “Дело Ульмана”
– симптом больной морали России.
<http://tayga.info>).

Понимаю, что в наше время
смешно говорить об отношении к
пролитию крови в эпоху раннего
христианства и вспоминать эти вы-
сказывания:

– *Разоружив Петра, Господь ра-
зоружил всех солдат. Не дозволено
ни одно состояние, сопряженное с
беззаконными действиями* (Тертул-
лиан);

– *Копья, коими мы некогда сра-
жались, мы перековали на косы; мы
не поднимем больше меч ни на один
народ ... ибо Христос сделал нас
сынами мира* (Ориген);

– *Ежели неопит или верный со-
гласился стать солдатом, да будет
он отвержен: он презрел Бога* (Ип-
полит Римский).

И невозможно уже сослаться на
мученика III века **Максимиллиана**,
упорно твердившего: *“Мне нельзя
находиться на военной службе, по-
тому что я христианин... Не могу
быть воином, не могу творить зла,
я христианин”*.

Со временем отношение христиан
к военной службе изменилось, но
все же считалось, что убийство даже
во время справедливой, оборони-
тельной войны требует очищения.
Василий Великий рекомендовал на
три года лишать причастия тех, кто
пролил чью-либо кровь на войне, и
обычай налагать покаяние на возвра-
тившегося после сражения воина су-
ществовал до XI века. **Ибо УБИВАЛ**.
Да, по необходимости, да, защищая
людей и Отечество, но убивал, нару-
шил заповедь «не убий», а это всегда
для верующего боль и скорбь.

Но ведь мы с вами говорим об
убийстве не вооруженного про-
тивника, а мирных, незащищенных
людей!

Могу согласиться с тем, что Уль-
ман оказался неким «показательным
козлом отпущения», что его судят за
преступление, подобное множеству
других, оставшихся безнаказанными,
что рядом с ним на скамье подсуд-
имых должен находиться тот его
начальник, с кем он согласовывал
«акцию», что наказания в большей
мере заслуживают те, кто развязывает
войны и наживаются на них, для
кого убитые с обеих сторон – ничего
не значащий побочный фактор.

Но не нужно высоких и пафос-
ных слов: защита Отечества, честь
Русского Офицера... Часто высокие
понятия существуют для того, чтобы
скрыть простой и ясный смысл. Есть
конкретный человек, совершивший
тяжкий грех, Эдуард Ульман. Гос-
подь по своему милосердию дает
ему, возможно, шанс искупить этот
грех в земной жизни. Сама знаю из
переписки с заключенными, в том
числе отбывающими пожизненные
сроки, каким потрясающе искренним
и глубокоим бывает покаяние у людей,
совершивших изуверские злодеяния,
какие случаются возрождения даже
самых окаянных душ.

Что же делают те, кто считают
Ульмана (а прежде – полковника
Буданова, осужденного за убийство
чеченской девушки) героем и жерт-
вой несправедливости? Те искренне
сочувствующие ему люди, которые
стоят в пикетах в его поддержку, со-
бирают подписи в защиту капитана?

Что делают они для своего «под-
защитного»? Человек, увы, слаб, и
даже без такой мощной посторонней
помощи склонен к самооправданию.
Если и есть у Ульмана царапины на
совести, то, ощущая такую подде-
ржку, он с облегчением заглушит в
своей душе все сомнения, и вместо
покаяния будут у него только горечь
обиды, ожесточение, злость, отчая-
ние, жалость к себе, то есть чувства,
совершенно непродуктивные для
спасения души.

В судебном заседании Ульман за-
явил, что факт, изложенный в обви-
нительном заключении, «имел мес-
то». Но слов раскаяния не нашлось
ни у него, ни у остальных участников
страшного события... Советник Пу-
тина, генерал Трошев, заявил, что
группа Ульмана заслуживает снис-
хождения: “Это не значит, что ребя-
та, которые влипли в эту историю,
не должны понести наказания. Но - с
учетом того, что это война, и психика
там совершенно другая”. Нормально.
Из уст генерала - нормально. Но вот
мы, считающие себя православными
христианами...

Как горьки слова Христа: «Но Сын
Человеческий, придя, найдет ли веру
на земле». И любовь – найдет ли???
Даже те участники форума, которые
возражают автору темы, делают это
робко и неуверенно. Так, уважае-
мый Н.Б. пишет: **«Если бы Ульман
их убил при обстреле машины
- у меня бы возражений не было»**.
Поразительно. Но объясните мне,
пожалуйста, в чем же тогда отличие
христиан от других людей «века
сего»?

В зоне военных действий по-
добные ситуации случаются: от
страха, от неожиданности, у води-
теля «гражданской машины» может
спонтанно возникнуть решение
не останавливаться, попытаться
скрыться, поскольку известно, что
рискуешь нарваться на беззаконие
и жестокость людей в форме. Это
происходит иногда просто вопреки
логике, ну как, например, на окрик
милиционера, требующего оста-
новиться или подойти, ни в чем
не виновный подросток бросается
бежать.

Может ли, брат мой Н., православ-
ный христианин сказать, что возра-
жений при таком расстреле у него
бы не было? По законам военного
времени – да, нет возражений. По
законам совести, по законам любви
Христовой – шрам на сердце навеки
и вечное покаяние, до смерти.

Вера РЫСКИНА

Каждый человек — остров, омываемый мировым океаном, независимо от величины. Материк тоже остров. Каждый человек — остров, часть архипелага, именуемого человечеством. Он одинок, отделённый от других расстоянием и близок к ним в меру родства духовного.

Таков Анатолий, главный герой фильма, и близкий, и далёкий для своего окружения — немногочисленной монастырской братии.

В войну он совершил невольное преступление, "убил" своего товарища. Почему же невольное? Он смалодушничал, испугался, что его самого убьют и нажал курок пистолета, насильно втиснутого в его руку. В первые минуты он ликует оттого, что остался жив, посылая проклятие фашистам, настоящим, в отличие от него, убийцам. Тугой затянулся узел причин и следствий. Ведь, если бы выстрелил не он, а немец, результат был бы другим. Оба они погибли бы, расстрелянные одновременно и погребённые под горами каменного угля, под самоходной баржей, которую немцы тут же взорвали. Товарища только ранило, его можно сказать спасло малодушие труса, его дрогнувшая рука.

"Тихон, ты где?..." — роняет он страшный вопрос, на который получает ответ в конце жизни, принесённой Богу, как достойный плод покаяния.

Его спасли монахи — Бог спас. Напрямую, действием своих вернейших помощников. Все ли из них вернейшие? Это выяснится позже, а пока контуженного, еле живого, его подобрали черноризцы. И он тоже становится одним из них, хотя действует особняком. Вроде блаженного, юродивого, живёт не в келье, а в котельной, спит на куче каменного угля в своём бессменном подрыснике. Далеко не всегда бывает на богослужении, молится в храме не по уставу... На что настоятель ему замечает: «Если каждый по-своему будет молиться, так от церкви ничего не останется». Важная оговорка. Выходит, что устав — основание церкви, а не добрые дела, которые как раз являет своим служением Анатолий. Он обладает даром ясновидения и врачевания.

Ванга, известная прорица-

“Угль, пылающий ОГНЁМ...”

тельница, обнаружила в себе чудесные способности тоже после сильнейшей контузии. Однажды, налетевший смерч закрутил её, завалил песком и деревьями. Дар прорицания в обоих случаях связан с потрясением — нервным и физическим. У Ванги были предпосылки употребить дар во благо, она жила в христианской среде, а Анатолий продукт советского, безбожного воспитания. Да и братия его не понимает, держит за дурачка, ласково величая *проказником*. Предпосылки нет, но есть промысел Божий, который в фильме просматривается с пронзительным постоянством...

Место служения Анатолия — котельная. Он смолodu работал кочегаром. Он как бы изначально призван в *отопительную систему*, обогревающую человечество. И после трагедии, после своего падения, остался в ней же, подавая тепло и в храм, и в келью, и в сердца человеческие, оттаивая их от суеверных страхов. К нему валит отовсюду народ за исцелением, за поддержкой. Монахи ворчат: «не монастырь, а проходной двор». Помню такие же недовольные голоса некоторых женщин в храме Сретенья, где служил отец Александр Мень. К его могиле, расположенной поблизости, потянулись паломники. Недовольные возмущались: «Ходят толпами, молиться мешают».

Анатолий таким действительно

мешает. Они спасаются от мира в лесной пустыни, а он, разделяя с ними пустынножителство, мир спасает.

В конфликте Анатолия и отца Ионы обнаруживаются два понимания христианства, два пути. Одно закрытое, неотмирное, облачённое обрядоверием и самодостаточностью. И второе, в лице неудобного послушника, нищего Духом, открытое скорбям и безумию мира.

Знаменательно, что конфликт всё же не столь свирепый, как мы помним его в «Братьях Карамазовых» у Достоевского. Должна же чему-то научиться русская Церковь за двадцатый век... Иноки больше недоумевают от странного поведения своего собрата. Дымка обнадеживающего недоумения застигает последние кадры фильма.

Зато архимандрит, настоятель обители, вкусивший урок изгнания бесов, уже по-другому воспринимает *проказника*, задумывается над его природной силой, через которую Господь посылает помощь людям.

«Природная сила» не уходит из поля зрения на протяжении всего фильма, всей жизни целителя. Это уголь, теплоёмкий материал, трансформированный в задатках личности духовным качеством. Размер любой личности определяется её теплоёмкостью и градусом

отдачи. Теплохладными бывают только безличности из разряда рептилий.

Природный, материальный план, повторяю, не уходит из кадра и мерцает развёрнутой метафорой. Самоходная баржа с запасами угля подорвана и должна исчезнуть навсегда. Но мелководье в этом месте сохранило уголь на поверхности. Контуженный и прозревший Анатолий изо дня в день углубляется в его запасы. Они расходуются, тают, омываемые ледяными волнами времени. Они соразмерны самой жизни целителя, перед смертью угля почти не остаётся, природный запас исчерпан. Истопник-целитель, выполнил своё предназначение...

Люди мало изменились за две тысячи лет существования на земле Благой вести. Их личные трагедии с поразительной точностью накладываются на евангельские сюжеты. Как не вспомнить богатого юношу, который хотел пойти за Христом, да не мог отказаться от своего богатства. Так женщина, получившая откровение от старца, в ужасе завывала при мысли, что придётся ей продать

всё нажитое добро, чтобы повидать любимого умирающего мужа.

Или мальчик с больными ногами... Мать его держится за костыли крепче, чем он сам. Мальчик уже поверил в Божию помощь, уже сделал самостоятельно первые шаги, а мать душит его, парализуя страхом и суеверием — душит слепой любовью.

Анатолий хоть и юродствует, исцеляя, но отправляет своих пациентов в лоно Церкви. Чудо, сотворённое, его руками лишь первый импульс к выздоровлению. Но пресечётся чудо, если не последует общения с Богом в таинстве и молитве. Здесь он применяет решительные меры, не понятные ни инокам, ни мирянам. Лона Церкви вмещает в себя и таких «непонятных» праведников. В чём только их ни обвиняли на протяжении веков... Вот и этого, в том, что он «разводит суеверие и соблазняет народ». Нет, это не только заблуждение... Это похоже на крик жулика **”держи вора“!!!**

Анатолий чистый сосуд Божий, хотя таковым себя не считает. Его грубая внешность сравнима

с суровой и прекрасной северной природой, которая тоже чистый сосуд. Они родственны в своей природной и богоносной сущности. Он и поёт, как птица, прославляя Бога самодельными стихами. Но чаще, всё же, не поёт, а плачет в раскаянии... Каждое утро он молится за невинноубиенного своего товарища. Он ведь не знает, что тот спасся. Иисусова молитва не сходит с его губ. Он тот самый евангельский мытарь, ощущающий себя не прощенным грешником. Бог испытывает его безутешной совестью. Великая и очистительная сила покаяния создала этого человека, и направила к людям его исцеляющий дар.

Мира нет, как он считает, в его душе, но есть **жажда** мира, **жажда** примирения с Богом, и в этом подвиг и безумие веры.

Гора каменного угля на потопленной барже — тоже остров. Скованный льдом, запорошенный снегом, он поддается нехитрому инструменту и бушует в печи, как в сердце пророка **”уголь, пылающий огнём“**.

Александр ЗОРИН

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ НАСЛЕДИЕ СЕСТРЫ ИОАННЫ (Ю. Н. РЕЙТЛИНГЕР)

Альбом. М. — Париж. Русский путь — УМКА-PRESS. 2006

О судьбе сестры Иоанны (Юлии Николаевны Рейтлингер) в нашем храме знают, наверное, многие. Ее имя прочно связано с именем о. Александра Меня, духовной дочери которого она была последние годы, когда вернулась в Россию из эмиграции. Многие, наверное, знакомы с книгой «Умное небо», изданной Фондом им. А. Меня, в которую вошла переписка о. Александра и сестры Иоанны. А кто-то, возможно, читал опубликованную в Вестнике РСХД переписку Ю. Н. Рейтлингер с первым ее духовным отцом — о. Сергием Булгаковым, за которым она последовала в эмиграцию; и он же благословил ее вернуться в Россию.

Но творчество Юлии Николаевны, которая была прекрасным художником и иконописцем, хорошо знают, по-видимому не многие. Большая часть ее художественного наследия осталась за границей, где она прожила более 30 лет, с 1922 по 1955 гг. Правда, в 2000 году в музее им. Андрея Рублева состоялась небольшая выставка работ Юлии Николаевны Рейтлингер, и это стало заметным событием в духовной и культурной жизни Москвы. Однако и на выставку ходят далеко не все, кому это творчество может сказать о самом главном. А то, что сестра Иоанна искала самое главное в искусстве, это, несомненно.

Альбом, изданный Московско-Парижским издательством «Русский путь», дает полное представление о творчестве монахини Иоанны. Здесь собраны ее иконы, фрески, книжная иллюстрация. Количество репродукций дает довольно полную картину ее художественного творчества, а, главное, того яркого дарования, которым она была наделена.

В издание вошли также статьи Н. А. Струве, Г. В. Попова, краткая библиография о творчестве сестры Иоанны. Составитель альбома — Бронислава Попова — трудилась над книгой несколько лет и, надо сказать, не напрасно, потому что на сегодняшний день это самое полное издание работ Ю. Н. Рейтлингер.

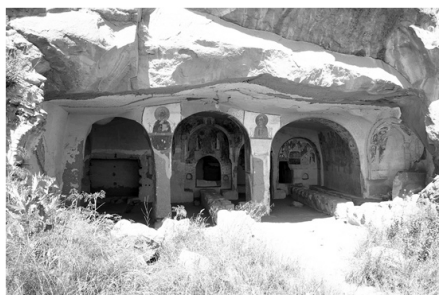
Первое впечатление, когда открываешь эту книгу — а открыть ее можно на любой странице, где есть цветные иллюстрации, — сразу ощущаешь мощный поток Духа, несущий красоту и радость. Удивительно свободная манера, живая экспрессия, неповторимость и выразительность делают работы Ю.Н. Рейтлингер притягательными и запоминающимися. Икона — это окно в Царство Небесное, образ небесной красоты, весть будущего века. Иконописный образ вневременный, но иконописец живет во времени. И это надо помнить, ведь время, в которое выпало жить Юлии Николаевне Рейтлингер, было не просто суровым, но жестоким и не благоприятствовало всматриванию в божественные лики. И надо было иметь много мужества, силы, веры и любви для того, чтобы в эти времена сохранить в себе способность видеть небо и передавать людям небесную красоту.

Ия ГЛОСС

ИВЕРИЯ ГЛАЗАМИ ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛОМНИКА

**АВТОРСКАЯ ВЫСТАВКА
ПОСЛУШНИКА КИЕВО-
ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ,
ФОТОГРАФА ВАСИЛИЯ
НОВИКОВА**

Иверия — древнее название Грузии, страны, принявшей христианство в IV веке через проповедь святой Нины. Кажется, что сама природа этой земли — воплощенная молитва. Высокие горы, узкие ущелья, стремительные потоки рек — все славит Бога. С древних времен здесь селились монахи, отшельники. На недоступных вершинах гор, между скал возникали монастыри, в которых творилась непрестанная молитва. Менялись эпохи и царства, проносились войны и революции, а Иверия продолжала жить своей таинственной жизнью. Складывается ощущение, что ее духовная жизнь не менялась тысячелетиями. Современный взгляд фотографа на древнюю Иверию открывает нам тайну этой Святой Земли. На выставке представлены виды Иверии с ее пустынными монастырями, расположенными в разных уголках страны, от Дарьяльского ущелья до Гареджийской пустыни. Так же охватывается жизнь столиц древнего Мцхета и нынешней столицы, Тбилиси. В работах фотографа зрителю открывается жизнь людей, от обычных простых деревенских жителей — до Патриарха. Сочетания пейзажных снимков и жанровых работ очень точно подчеркивают колорит этой страны: снежные вершины гор сочетаются с великим гостеприимством. Всматриваясь в эти фотографии, проникаешься жизнью страны, которую сам Господь определил в жребий Своей Матери. Сегодня в Грузии возрождается множество храмов и монастырей, и живут боголюбивые и трудолюбивые люди.

*Выставка открыта в светлице
нашего храма до 1 мая.*

Мир тесен, извините уж за банальность. Но порою в нашей жизни случаются встречи, — никакой теории вероятности не снилось.

Довелось мне день провести в Северобайкальске. В первые же два часа — нос к носу с сокурсником, к слову, осетином. Откуда-откуда... живу я здесь.

В городе Бучаче, что на Западной Украине, разговорился с одним селянином. А у него сестра в Москве, в двух домах от меня живет.

А уж пойти в консерваторию; на, скажем, Павла Корина или Родена-Голубкину и не встретить там кого из нашего прихода?! Полноте!

Но рекордом — мой приятель. Летел в Барнаул. Впервые. В соседке по ИЛ-62 узнал девчонку, с которой учился 7-й, 8-й и 9-й классы в далеком якутском поселке Ойонь-Хомото, где оба родителя обоих были в геологах. Она — из Питера. Летела в Барнаул. Впервые. Из Степных недомолвок, я понял, что Галя — его школьная любовь, и та случайная встреча — семнадцать лет не виделись — чуть не стала причиной краха обеих семей...

От преамбулы — к сути. В поисках нужной фирмы занесло меня в Хорошово-Мневники, о которых до того только слышал. Сделал все свои дела, иду к троллейбусу. Навстречу — женщина, с сумкой, судя по всему — рынок по пути с работы. В облике будто знакомое. Или кого напоминает?... Из далекой студенческой жизни. Стоп! Неужто Кристина?! Идет, глаза в землю, лишь когда мы почти поравнялись, видно, почувствовав взгляд, подняла голову.

— Господи, Алешка! Ты ли? Это ж надо! Сто лет!

— Кристина?... А я гляжу, не пойму, ты — не ты... Не сразу узнал.

— Так постарела?

— Д-да нет вовсе.

— Так таки и вовсе...

— Как вы все боитесь постареть...

— Да вроде, принято... — она поставила сумки на землю.

Нельзя сказать, что мы с Кристиной Тарасевич дружили. Обитали в одной студенческой стайке. Иногда всем скопом ходили. На

лыжах покататься, в кино, на выставку, особенно, если громкая. Дни рождения, свадьбы, как пришла их пора. И после института. По инерции, пока своими семьями не обзавелись...

— Ну, а ты как? Женился? — я долго оставался последним в нашей компании холостяком. О чем еще может спросить женщина для начала разговора?

— У-у-у, давно. Младший в де-вятом, старшая — диплом пишет,

ва, ни звука. Поила из ложечки, поправляла подушку...

За несколько минут до смерти Макс открыл глаза, улыбнулся и внятно, почти радостно:

— Прощай, Кристенька. Я люблю тебя. Светку береги.

И на похоронах, и на поминках, на девятинах и сороковинах — ни звука. И — та же застывшая белокаменность.

А тут, вот, сейчас, передо мною — какой-то в глубине души женской — затаившийся свет... В глазах, в полуулыбке...

— Слушай, Леша, чем так-то стоять... У тебя есть время, не очень спешишь?

— Н-нет. Мои на даче.

— Тогда пошли к нам. Тут, радом.

— Д-да, вроде, как-то, это... С бухты-барухты...

— Брось ты. На тебя не похоже. Скоро Игор с работы придет, познакомлю — он очень славный человек. Ужин надо приготовить. Сумки поможешь мне донести. Ты же у нас всегда был самый галантный.

(Радом... Игор... Вот забавно. Лет пять, да нет, больше даже, все десять общались, а белорусского говора, что у нее нет-нет проскакивает, — не замечал...)

— Да?... Что-то не припомню... Ладно, пошли.

В коридоре нас встретила кошка. Обычная серая кошка, без особых примет. Если само это обстоятельство не считать особой приметой.

— Спасик! Ах, ты моя хорошая! Ах, ты моя зайнышка! Ну, иди, иди. Я сейчас занята. Иди к себе. — и с такой нежностью.

Кошка побежала вперед, и я увидел, что бежит она зигзагом и как бы ныряя. Ба, да у нее обе правые лапки короче левых, особенно заметно, передняя — по самый, не знаю, как это у них называется, у людей — локтевой сустав.

Я отнес сумку Кристи на кухню.

— Слушай, а что это с твоей кошкой?

— Со Спасиком? О, это целая история. Дело было прошлым летом. У нас ведь — помнишь? — дача у Максовых родителей, под Лобней. Мы еще там как-то Новый Год встречали, елку, что на участке растет, наражали. Ты еще,

Константин СЕМЕНОВ

СПАСИК

Рассказ

наш кончает. А ты-то как? Знаешь, Кристиа, я, вот, смотрю на тебя, узнаю и не узнаю... Что-то в твоём лице появилось новое... не знаю, как поточнее...

— Да-да, раньше я выглядела...

— Ой, да не лови на слове!

В те давние, почти тридцать лет назад, хоть и в одной компании, но именно с нею — подальше. И на общих сборищах, застольях я, по возможности, садился через несколько человек. Вроде, девчонка как девчонка, вовсе не уродка. Но — была в ней, какая-то такая, вот, жесткость, резкость... В поступках особенно не проявлялось, но, чувствовалось. Макса своего, который ее боготворил, глаз не сводил, пушинки сдувал, — вечно шпыняла, громким шепотом. Из-за всякой ерунды. Он малость рохля был, как часто добрые люди. Мы его очень любили. На третьем... или четвертом... считать надо, году их семейной жизни... так, Светке было два... впрочем, ладно, не важно. В общем, попал Макс на работе в аварию. Какой-то вентиль стал травить какой-то отравой, Макс стал его закручивать, его обдало так, что в гробу не узнать было. Но перед смертью помучился в полубессознании, несколько дней. Умер, можно сказать, у меня на руках. Мы, друзья его, дежурили по очереди, а Кристина — не отходила. Сидела с Каррарского мрамора белизны лицом. Ни сло-

чтобы Полинуску Меламед, это, поразить, выскочил в одних трусах и снегом растирался...

— Ай, да ну! Зря только старался...

— Так на ту дачу после Макса мы продолжали со Светкой ездить, ну, и за его родителями присматривать, а как они поумирали, мы там летом обитаем. Наша она. Так вот, иду я в тот день с дачи на электричку. Домой ехать. Нагружена... сегодня это так, шуточки. Аккурат начало сбора урожая было. Бульбочки молоденькой подкочала, свекочки с ботвой, то-се, сам понимаешь. Короче, обе руки оттянуты, да котомка за спиной. А идти мне — помнишь? — километра три, из них последний кусок вдоль самых путей. Иду, думаю о своем, о бабьем. Вдруг слышу страдальческий такой плач. Просто вопль. Громкий, пронзительный, и не поймешь — то ли щенячий, то ли детячий. Пошарила глазами, рядом с рельсами валяется что-то такое бесформенное, как, вот, кто грязную промасленную ветошку бросил. И крик, значит, из нее, из той трапки. Подходит мальчуган, видно, местный.

— Тетя, она вчера под поезд попала, второй день кричит, никак всё не подохнет. Живучая, как кошка. Хотите, я ее камнем зашибу, сколько ей тут орать-то?

— Не надо, мальчик. Ты лучше иди, иди, себе! — знаешь, еще тем моим голосом, тогдашним...

Поставила я сумки, подошла. Кошка увидела меня и — замолчала. Представляешь себе? — замолчала... Только смотрит. Тут я поняла, что возьму ее. Не могу не взять. Здесь оставить? Чтобы кричала и мучилась? А взять-то и некуда. Сумки полны, в мешок за спину, она там и вовсе, это... Беру я ее на руки, а она вся в засохшей крови и какой-то масляной грязи или мазуте. Молчит, смотрит, своими зелено-голубыми глазами. Попробовала под мышку, нет, не годится, задавлю — сумки руки прижимают. К бокам. В общем, сунула ее за пазуху на голое тело — только лифчик под блузкой. Кошка, да какая, там, кошка! Котенок-крохотуля. В общем, чуть-чуть, самую малость она повожилась и — затихла. Чуть что не замурчала. Ты, небось, помнишь, я чистюля была. А тут — ну, прямо... Никакой брезгливости.

(Что да — то да! Если кто хоть раз, умывшись, вытер лицо или

руки полотенцем — в миг просечет и — ни за что даже не прикоснется. Или пригубить глоток чаю из чужой чашки — где там!..)

Народ в электричке на меня стал оглядываться, носами фыркать, некоторые пересели даже. Одна, постарше, под села и так негромко: «Как же вам не совестно, дамочка? Нам, женщинам чистоту плоти блюсти следует, иначе — срамота получается». Я — как будто не слышу, хотя очень их понимаю, хотя сама запаха никакого не чувую.

Прихожу домой, Игор как увидел меня:

— Кристя! Что с тобою?!

— А что?

— Никогда тебя такой не видел. Как замороженная... Что это у тебя там. Давай, давай, снимай рюкзачок. А за пазухой что? Кошка?! Уйй, какая грязная... и падалью воняет. На какой помойке подобрала? Ну — ты даешь!.. стране угля...

Я наскоро поела, не стала даже переодеваться, чего со мной — никогда, в тазик — теплой воды, несколько зернышек марганцовки, детское мыло. Стала кошечку мою отмывать. А ты сам знаешь, как они к воде... А эта молчит, терпит, иногда жмурится, видно от боли...

По ходу рассказа, в который она вставляла забавные случаи, связанные с кошкой, восторги по поводу ее сообразительности и подобное, Кристина напустила картошки, порезала на жарку, как я люблю, длинной, тонкой соломкой, поставила меня помешивать, не дать пригореть. Сама достала из холодильника рыбное филе, на вторую сковородку, и — начала резать салат. Тут и Игорь ее пришел. Кристя меня представила как институтского товарища. Он приветливо кивнул и включился в процесс: на стол накрыл, хлеба нарезал, чай заварил, к чаю на стол выставил. При этом он слушал жену, видно, история эта и для него — особая. А Кристина продолжала:

— Ведь она пролежала сутки с лишним, рана-то загнить стала. Я, как могла, промыла. Стала ножницами обстригать клочья шерсти, мяса. Локтевой сустав на передней лапке оголился, а у задней — только стопочка пострадала. Там тоже пришлось поотрезать. Кошечка моя — ни звука. Воду — три раза меняла. В таком деле Игор мне не помощник. Убрал со стола, там, всё помыл и ушел в другую комнату,

чтобы не мешать. Ну, и не видеть ничего.

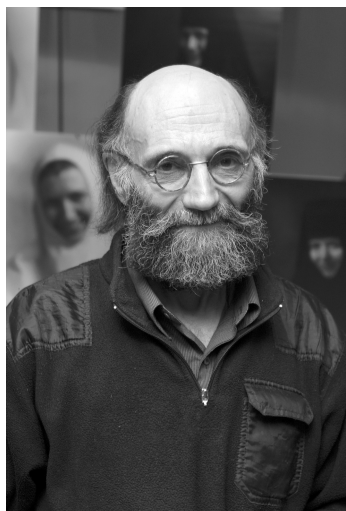
Что могла я сделала, вытерла, положила на мягкое, и тут крохотуля моя замурчала и нежненько пискнула. Господи, да она не пойми когда ела! Не сразу сообразила, что лежать даже из блюдца не достает, а стоять не может. Так, с рук молоком и напоила.

Позвонила начальнику, отпросилась назавтра, обзвонила знакомых, у кого дома живность, мне посоветовали ветврача-частника и — поехала. В Лефортово. Он посмотрел-посмотрел, подивился, — что я в ней нашла? К нему приносят усыпить здоровых породистых красавцев — хоть на выставку. Сказал, что может ей сделать операцию, натянуть шкурку на оголившийся сустав передней лапки, это обойдется в 4000. Хоть и наших, но — не по карману. А самой толком долечить — квалификация не та. Я ведь, ты знаешь, по обработке металлов давлением специалист. И в вузе. И после.

Пошла я, себе, домой и вижу — церковь Петра и Павла, что на Солдатской. Ноги мои туда сами и понесли. Я ведь в юности к Церкви — с комсомольским задором, а потом — с полным отсутствием. Так с кошкой на руках и вошла и — словно в наваждении подсознательном обошла все иконы, перещеловала-приложила. Уж потом прочла, что душа наша от рождения христианка. Подошла к священнику, а через неделю и крестилась, чем Игоря удивила и обрадовала — правда, родной? — правда, Кристеня, правда. — А когда вышла из храма, поняла, что зверка этого крохотного мне Господь послал. Для моего рождения. Иду домой реву беззвучно, глажу ее: «Спасик ты мой, Спасик...». Ну и что, что самочка. Не Спаской же ее звать. Она грамматики не знает.

В ближайшую субботу заходит ко мне соседка, говорит, что к ее Тальке, таксику, придет ветеринар. Так может, ему показать кошку? Ну, он внимательно посмотрел Спасика, взялся сделать операцию. Попросил 1000 рублей. Как объяснил, за наркоз и еще что-то там — 500 рублей, столько же за работу. И вот теперь, видишь, какая у меня есть лапочка. Ну, ладно, ладно пальцы-то грызть! Зубки у тебя ой-ёй-ёй...

Июль 2006

СЕСТРЫ РАДОСТИ

“Сестры радости” - цикл фотографий, сделанных Георгием Колосовым в Троицком Ново-Голутвином монастыре в Коломне. В феврале-марте этого года проходила выставка работ в этом монастыре, где наряду с этим циклом также экспонировались работы серий “Всякое дыхание” и “Воистину воскрес”. 30 марта выставка открылась в фотоцентре на Гоголевском бульваре. 12 апреля на фотовыставке состоится встреча с автором, на которой будут присутствовать и насельницы Ново-Голутвина монастыря. В нашей газете мы приводим текст, сопровождающий экспонируемый цикл “Сестры радости”.

Конечно же, «уходя – уходи»,
Коднако «...не моя воля, но Твоя
да будет»

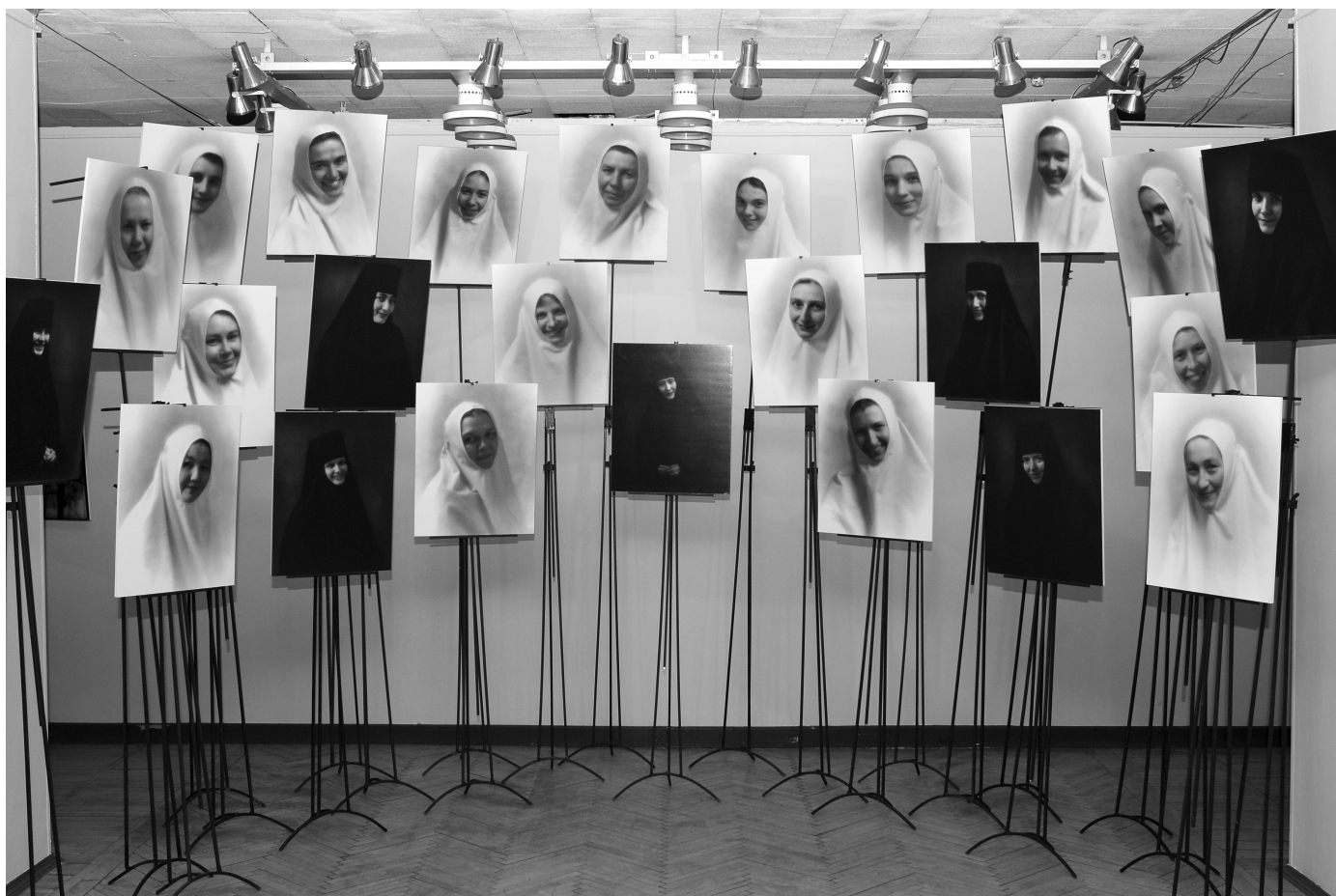
...Как, освободившись, наконец, от фотографии я против воли и аккуратно на Сретенье попал с портретной студией в Свято-Троицкий Ново-Голутвин женский монастырь – это маленький духовный детектив, вкусный, но слишком пространный. Поэтому сразу установка, последствия и выводы.

Установка: поснимать трех-че-

тырех сестер, как пробу – запланированной на этой неделе должно было хватить. Поэтому, поэтому, когда 15 февраля 2006 года вечером опекавшая нас с Таболиной мать Анна увидела развернутую под сводами студию и жизнерадостно спросила «сестер можно присылать?» я не упал только потому, что сидел.

Ошеломляющую перспективу необходимо довести до полной

ясности. И так. За десять лет я ни разу не снимал в студии незнакомого человека. Даже с единичными заказчиками всегда было долгое предварительное общение минимум за неделю. На приходских в храме, где тружусь сторожем, смотрел год-два, прежде чем попросить попозировать. С хорошо знакомыми на сеанс уходит часа два-три (с заказчиками пять-шесть). Жизненно необходи-

мый в студии контакт возникает, естественно, в результате долгих и очень откровенных разговоров. И все это, во-вторых. А во первых...

А во-первых, десятью-восемью годами раньше я пропустил через себя всю высшую аскетическую литературу, и не абстрактно, а как самую родную: Исаак Сирий, Иоанн Лествичник, Макарий Великий, позже и частично и авва Дорофей... Если всерьез, то какие портреты? Душа монаха прикосновенна одному духовнику. По этой же причине, — какие разговоры? Кроме того, в идеале — безмолвие. Наконец, откуда время у сестер? Они и по двору не ходят — летают: нет времени ходить! (на мое замечание по этому поводу, в отсутствие Матушки, одна сестричка, из вежливости притормозив, ответила: это мы по-олзаем! Вот Матушка вернется — тогда будем летать!)

...Совершеннейшая нелепость ситуации растворилась вопросом к самому себе: а что я сам в результате хотел бы видеть? Ответ давным-давно кристально определенный: «Р а д о с т ь!» — тотальный вывод всего моего церковного опыта.

...Сестры — четверо или пятеро с любопытством поглядывали на зонтик с лампой. А я говорил: «Вспомним, вспомним, как через телетрансляции нас видит мир. Рождество, первая Литургия в Храме Христа Спасителя. У всех рот должен быть до ушей! И — ни одного праздничного лица. Ни среди служащих, ни среди поющих, ни среди приглашенных. «Из-за вас у язычников хулятся имя Божие». Избави Бог нас от лицедейства, но если мы — Церковь, нам достаточно вспомнить, кто мы».

Как вскоре выяснилось, сестры это знали лучше меня, при чем практически.

Мне это, однако, поначалу не помогло — свет и лицо на первом персонаже не встретились. Ситуацию я воспринял для себя как дрессировку смирения и смерть тщеславию и без надежды продолжил.

...Ни когда не привыкну к этому чуду — когда студийный свет вдруг

«собирает», гармонизирует лицо, являя славу Божию в облике человека. Времени и усилий, благопотребных для этого «вдруг» — всегда по-разному. ... «Сила Божия в немощи совершается» — на втором персонаже свет установился сразу и сам. Минут через пятнадцать то же случилось и на третьем. Дымился я, снимая, или нет — не знаю, но всякий раз по окончании сестры настойчиво предлагали мне присесть. Маэстро Таболина, глядя на все на это, тоже взялась за камеру и направила ее в мою сторону. Похоже, легкое ощущение чуда передалось всем. Одной из сестер — матери Матроне — ликом вполне дальневосточной — я заметил: «как хорошо, что вы здесь именно сегодня: как раз Николаю Японскому празднуется»...». Когда все с трудом просмеялись, и после чудо повторилось еще раз, я, наконец, испугался...

(На самом деле два вопроса я сестрам все-таки осторожно задавал: «сколько лет в монастыре» и «какие послушания». На первый обычным ответом был двенадцать или четырнадцать или больше. «Не иначе как с детского сада?» — «А все так говорят».)

...Следующий день был ровно таким же, и я понял, что влип года на два: сестер много, летом нужно попробовать еще и светлое облачение... Монастырь — своего рода трек, а восхищение может быть и недооценкой. Мать Анна только и спросила: «Белые апостольники подойдут?». И все пошли по второму кругу.

...Бог дает нам знать Свою волю через видимые события мира сего. Отсюда и «Лицемеры! ... От чего и по себе не судите, чему должно быть!» ... То, что я увидел, когда началось «белое на белом», в отрыв превзошло весь мой прошлый опыт и стало для меня непрекращаемым свидетельством призывания на вполне конкретное дело, которое я обязан исполнить до конца... Среда, четверг, пятница... В субботу вечером бес шевельнул во мне творческий азарт, и я сразу же понял, что чудеса кончились. Так, естественно, и произошло. Но...

Тридцать четыре персонажа не более чем за четыре часа на круг, из них двадцать девять в окончательном варианте. Полное ощущение, что предыдущие мои десять лет в студии были ради этих четырех дней. Из видимых тому причин могу назвать только ежедневное причастие, что обычно позволяло себе лишь на Страстной.

...Следующий — отчетно-съемочный визит к дорогим сестричкам был в июле, на Владимирскую, потом еще один — в октябре. Число изображенных лиц добежало до пятидесяти. Во второй и третий раз я чувствовал себя уже не как юная деревенская девочка, попавшая прислугой в профессорский дом, а как старая московская домработница — член семьи, наводящая блеск в квартире по привычке. Не за страх и не за совесть, а на радость — и домашним и всем кто заглянет.

...Многие частные показы серии «сестры радости» (обычно в наборе 32 листа) обнаружили в ней сильнейший антидепрессант: настроение зрителя в процессе просмотра не поднималось, а взлетало. Не шутя, полагаю ее возможное присутствие в каком-нибудь отдельном кабинете или вестибюле неврологической клиники.

Глядящие на «Сестер» глазами мира сего скажут: «Апологетика монашества!». Это правда лишь от части. А полная правда в том, что здесь — апологетика Христианства, которая без иночества миру сему невозможна. «...Кто не оставит...», «...Кто не возненавидит...», «...а есть такие... Имеющий вместить да вместит». Наконец, «...отвергнись себя...», и «Царство мое не от мира сего». 1600 лет христианствующая часть человечества в абсолютном своем большинстве все это пытается объяснить. Как писано в другом месте, «результат на лице». Но у тех, кто не пытается, тоже результат на лице! Не верите? Посмотрите!

*Георгий КОЛОСОВ,
январь 2007*

В ПЕРВЫЕ ПО РОДНЫМ МЕСТАМ

Этим летом у меня появилось непреодолимое желание поехать в родные места моих бабушек, дедушек и многочисленных пра-пра... Это желание возникло не на пустом месте. В последние полтора года я интересовалась своей родословной, просматривала старые, еще дореволюционные фотографии, переписку моих родных и т.д.

Кроме того, на одном из психологических семинаров нам предлагалось задуматься о своей родословной, о возможных семейных закономерностях, происходящих из поколения в поколение, что в какой-то мере может помочь познать себя — то, с чем я уже родилась и унаследовала и с чем мне предстоит, может быть, в этой жизни справиться...

Проходя программу «12 шагов духовного выздоровления» в группе поддержки (или самопомощи), я обнаружила, что с юных лет страдала от непонятного мне мучительного чувства стыда не за какие-то проступки, а вообще: за себя, за своих родных и даже за свою девичью фамилию — Алфутова. И уже будучи взрослой, это чувство стыда как состояние, неосознанное мною, просто сковывало мою жизнь. Надо сказать, что к концу нашей 12-шаговой группы я ощутила, что эти пути как будто ослабевают и я освобождаюсь. И неслучайно в это же время мне очень захотелось поехать в вышеупомянутые места, но страх останавливал меня: неизвестно к кому, где остановиться и что меня ожидает. Я все же подчинилась желанию своего сердца, а также заручившись молитвенной поддержкой мужа, и села в поезд.

Вот я прибываю в Рязань. Моросит мелкий дождь. Узнаю, как добраться до автовокзала. На сердце беспокойно, снова страх и сомнение — куда я еду, как я могла так рискнуть? Но в руках четки. Богородице Дево, радуйся... Ожидая автобус, я сразу приметил женщину, мне показалось, чем-то похожую на меня. Мысли мои уже работали в таком направлении: она могла бы быть из моего рода. В автобусе номера наших мест оказались рядом. Мы разговорились. Узнав, что я еду в неизвестность, моя попутчица предложила мне помощь в устройстве. Я благодарила Господа, Который так быстро ответил на мою молитву и так утешил меня, т.к. я была уже не одна.

Через 2 часа мы — в селе И. Идем по главной улице. Сразу узнаю по

фотографии дом моего деда. Меня охватывает трепет, благоговение и печаль, глядя на этот довольно большой, облезлый, запущенный дом и рядом — полуразрушенную церковь. Потом щемящая боль. Вспоминаю рассказ моей тетушки, как при раскулачивании ночью в сильный мороз всю семью выгнали на улицу из этого вот дома с маленькими детьми. Переживаю эти давние события. Внутренне оплакиваю младенцев, погибших от холода.

Село большое — около 4 тыс. человек (было 7 тыс.), улицы — длиной по 7 км, раньше было 4 церкви. Сейчас 2 из них полностью разрушены, одна — восстанавливается и уже идут службы.

Иду по нескончаемой улице. С любопытством разглядываю дома, людей. Мне все нравится. Представляю, как много лет назад бегали тут, будучи детьми, мои прадеды и бабушки. На душе разливается благодать.

Время от времени подхожу, спрашиваю не примут ли на ночлег, чтобы не теснить свою попутчицу с семьей. Отказывают, но интересуются, откуда я и почему приехала. Объясняю. Оказывается, все знают эту фамилию, помнят кого-то из Алфутовых, отзываются о них очень тепло и хорошо, но в живых никто не остался, либо уехали. Наконец, одна бабушка, посоветовавшись с мужем, соглашается меня принять. Слава Богу! У меня есть уютная комнатка, кровать, хорошие хозяева.

Следующий день — мой день Ангела. Есть предвкушение, что-то будет особенное. И я не ошиблась.

Сначала — прогулка до заброшенной церкви и кладбища. Потом продолжаю бродить по селу. Навстречу мне бабушка: «А я вас что-то не узнаю», — говорит она. «Конечно, не узнаете. Я не здешняя. Приехала из Москвы, ищу, может быть, еще живы мои родные». Так началась наша беседа с Т. М. Она сама родом отсюда, но живет в Москве, а летом здесь. Узнав мою девичью фамилию, оживилась, сказала много хороших слов о моем роде. Я предложила ей посмотреть старые фотографии. Мы сели на лавочку. Это был необыкновенно трогательный, проникновенный разговор, который периодически прерывался нашими возгласами изумления: Как же так мы смогли встретиться?! Это же так Господь нас свел! Т. М. увидела фотографию те-

перь уже до основания разрушенной церкви, в которой она крестилась. Это была неописуемая радость! Она прижала ее к сердцу, и у нас обоих накатились слезы. Я подарила ей это драгоценное фото.

Т. М. многое мне рассказала о трудных послереволюционных временах и о моих родственниках, то, что она слышала еще от своей мамы. Меня очень глубоко тронул рассказ об одной моей родственнице, О. Г., смотрящей на нас с фотографии, — о ее необыкновенной щедрости и доброте, о том, как она помогала бедным, и о ее печальном конце. О. Г. стала для меня живой и близкой. Мне захотелось быть продолжательницей ее добрых дел, как будто часть ее доброты излилась и на меня. Позже я ходила на кладбище, искала ее могилку, оплакивала ее нелегкую жизнь и мысленно разговаривала с ней: «Ваша жизнь прожита не зря, все Ваши добрые дела не забыты и они вдохновляют меня».

Нам пора было расставаться с Т. М., но тут зашел разговор о моей нынешней семье. Когда выяснилось, что мой муж служит в нашей церкви, а она хорошо знает одного из наших священников, читала его книги, мы обе заохали от невозможности вместить промысел Божий, Его водительство. Я рассталась с Т. М., как с самым родным и близким мне человеком. Сердце мое было переполнено умилением и благодарностью к Господу.

Но еще один маленький сюрприз ожидал меня. Я зашла в гости к своей попутчице. За чашкой чая выяснилось, что в Москве мы с ней соседи, живем рядом, в 10 минутах ходьбы. Как это мило с Твоей стороны, Господи.

На следующий день, перед отъездом, я успела побывать в церкви, помолилась, с каким-то особым, новым для меня чувством подала записочки об упокоении душ ставших мне такими близкими родных.

Обратно я ехала наполненная, как будто какие-то новые силы влились в меня, с ощущением, что я прожила целую жизнь за эти два дня. Я обрела новое внутреннее состояние. Во мне как будто все встало на свои места: разорванные нити соединились, то, что было разрушено и надломлено, как будто восстанавливается внутри меня, как будто я нашла давно потерянную и очень драгоценную

вещь. И еще новое чувство, ранее мне неведомое, исходящее из глубины моего сердца, посетило меня: я почувствовала огромное, искреннее уважение и почтение к моим предкам, к ушедшим из жизни родным. Одновременно с этим ощутила принятие своей родной семьи, самой себя, своих корней. Я примирилась со своей тетушкой, ушедшей из жизни более 10 лет тому назад, на ко-

торую я так долго держала обиду, и только занимаясь по программе «12 шагов», я осознала это и начала молиться о прощении. Я поняла и в какой-то мере прочувствовала, какой отпечаток эти трудные времена наложили на жизнь моих родных, их характеры и судьбы, и какой тяжестью это легло на моих родителей, а значит и на меня тоже. Сейчас, молясь об этих душах, я испытываю

благодарность Господу за всех моих родных и за жизнь, данную мне.

Хочу еще добавить, что без группы поддержки, психологических семинаров, и программы «12 шагов» я не была бы в состоянии осмыслить происходящее со мной, да и поездка эта вряд ли бы состоялась, т. к. неосознанные внутренние страхи и ложные установки часто оказывались сильнее.

Ольга БУЛЫЧЕВА

БУДЬТЕ, КАК ДЕТИ...

В конце 60-х годов я работала редактором в издательстве «Малыш».

К моей сотруднице, что сидела за соседним столом, приходила со своими стихами поэтесса Эльмира Котляр. Маленькая, с круглым лицом и круглыми коричневыми глазами, она входила в комнату робко и стеснительно, садилась на краешек стула и нерешительно клала на стол рукопись. Редактор хватала рукопись ее с радостью и вписалась глазами в тексты.

Стихи ее были очень короткими, лаконичными, но было в них какое-то волшебство, присутствующее обычно в настоящей поэзии, которое невозможно смоделировать самому изощренному мастеру. Ее простые, короткие, всего в 1-2 строфы стихи, почти как японские хокку, требовали серьезного мастерства: любой мелкий сбой ритма, лишнее слово, неточная метафора могли свести на нет всю работу.

Редактор разговаривала с Эльмирой Петровной бережно, как с ребенком. Она мне рассказывала, что чувствует себя тоже ребенком, который держит на ладони бабочку и боится стереть пылцу с ее крыльев. Но говорила при этом, что с Эльмирой работать легко, потому что она не обижается на замечания, охотно соглашается на переделки, внимательно вслушивается в возражения – учится на ходу. Редко это бывает, что автор стремится не к самоутверждению, а к совершенству.

Эльмира Петровна жила вдвоем с мамой. Мама старалась создать ей все условия для работы, но характер у мамы был властный, она не позволяла ей противоречить ни в чем.

Из-за этого Эльмира иногда приходила в слезах. Мы ей посоветовали: когда в доме назревает ссора, уединиться и помолиться, попросить Богородицу, чтобы Она помогла ей справиться с гневом, не втянуться в ссору, не испытывать раздражения. И она так и поступила. В следующий свой приход к нам она с радостью рассказала, что когда началась ссора, она стала молиться: «Помоги мне, матушка Мария! Моя мама – единственный в мире родной мне человек, и я не хочу на нее злиться, не хочу от нее отдаляться...» И вдруг мама Эльмиры, которая только что пылала гневом и произносила обидные слова, вбежала в комнату, где Эльмира молилась, обняла ее и сказала: «Бедная моя доченька! Ты – единственный в мире родной мне человек, а я на тебя злюсь из-за пустяков! Давай не будем ссориться!..» Это совпадение слов молитвы и слов матери очень поразило Эльмиру.

Когда ее мама умерла, Эльмира писала:

Все вокруг безмолвно,
мамой полно!
Она повсюду.
Вот она в кухне моет посуду.
Как будто вчера его надевала, висит
халат.
Сколько на нем заплат!
Вот медленные костыли ее
вслышу я за стеной.
Мне спокойно, она со мной!
Вот она пишет что-то
в заветной тетради
воспоминаний ради.
Или со мной перемолвится словом,
ласковым, не суровым.
Вот она по утрам
расчесывает волосы,
которые были когда-то
так густы.

Вот я на могильной грядке
сажаю цветы!

И еще:

Молиться!
С Богом радостью поделиться!
Веселием, торжеством,
молиться всем существом.
Это моя пляска Давида
перед Сущим,
радость несущим!

Одиночество Эльмиры Петровны было трудовым. Она с утра садилась за пишущую машинку, хотя чувствовала себя слабой и больной, работала, преодолевая слабость, и находила радость в самых простых вещах:

Свет!
Свет меня осиял,
там, где черный провал зиял!
Душе моей явился Иисус,
и я поняла, что спасусь!

Все старания советской власти привить народу атеизм разбивались в моменты, когда человек оказывался перед лицом тяжелых испытаний, не мог справиться с болезнью, бедностью, неустроенностью, одиночеством. Власть, которая «ради счастья людей» пролила столько крови, оставляла человека наедине с его проблемами и бедами. Но при этом присвоила мысль Ницше, что к Богу стремятся только убогие, пришибленные судьбой, бессильные и невежественные люди. А гордый советский человек – творец своей судьбы не нуждается в Боге.

Но вот бывшая комсомолка, бывшая атеистка совершает открытия:

Ты мой пастух!
Ты искал меня,
как потерянного ягненка,
как мать – ребенка!
и отыскал, и привел меня домой.
Никогда бы мне
не найти дороги самой!

Оказывается, вера – это не прибежище убогих, это – радость, единение со всем сущим, крепость, сила, бесконечное и бесценное возрастание. И даже почти забытое переживание детства не пропало зря, вошло в духовное самосознание, как важная деталь:

Зеленый-зеленый кузнечик,
я оторвала ему ножку!
Стал забываться понемножку,
Но вот опять – живой, одноногий –
перед моими глазами.
Мое наказание.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ БОГДАНА ЗИНОВЬЕВИЧА ХМЕЛЬНИЦКОГО

14 сентября 2006 года отошел ко Господу прихожанин и певчий нашего храма Богдан Зиновьевич Хмельницкий. Горечь утраты ощутили как те, кто знал его на протяжении долгих лет и общался с ним едва ли не ежедневно, так и те, кто видел его лишь однажды. Многие из нас знали о его проблемах со здоровьем, но его уход из жизни стал для нас неожиданным. Но и сейчас его близкие и многие из нас чувствуют его присутствие в жизни Церкви и в нашей жизни, заботу о нас. Девятый день со дня его кончины, 22 сентября, пришлось на его именины — память святителя Феодора, архиепископа Черниговского. В день погребения, 1 октября, один из его друзей, не сумевший присутствовать на отпевании и не знавший о дне похорон, неожиданно приехал на кладбище именно к назначенному часу. Было и множество других совпадений...

Мы часто думаем о нем и молимся за него, каждый вспоминает что-то свое. Разговоры на разные темы, поддержку в трудных ситуациях или просто приветствие и улыбку, такую особенную, от которой становилось тепло и радостно. Есть среди нас те, кому посчастливилось знать его близко. В первую очередь — его семья, регенты и певчие нашего храма. Как сказал во время отпевания отец Александр Борисов, значительная часть жизни Богдана Зиновьевича, связанная с автомобильной промышленностью, нам почти не известна. Благодаря его дочери, Ирине, историку по профессии, мы узнаем, какой насыщенной и интересной была его трудовая жизнь. А о его жизни в Церкви вспоминают те, с кем ему довелось петь на клиросе, как нашего храма, так и храма Спаса Нерукотворного в Каблуково.

Как трудно писать о папе в третьем лице. Привыкнув рассказывать в статьях и лекциях о разных людях из прошлого, таких далеких людях, я никак не могу уложить в голову то обстоятельство, что теперь мое повествование — о родной душе, части моей души — о моем папе.

Папа родился в Москве в 1932 году и прожил этом городе всю свою жизнь, уезжая из нее лишь ненадолго в годы войны — в эвакуацию. Большая часть его жизни связана с районом Садового кольца, где недалеко от Красной Пресни у родителей была квартира.

Израиль Моисеевич и Ксения Алексеевна Хмельницкие, родители папы, сумели воспитать сына в атмосфере любви и тепла, что отразилось на его характере, они передали ему в дар интеллигентность и развитый ум. Помимо бесконечной и безграничной доброты,

эти два качества всегда выделяли папу на фоне других людей. Это неизменно отмечали все его друзья и знакомые.

Закончив в 1955 г. Московский автомеханический институт, папа навсегда связал свою жизнь с автомобильной промышленностью. Будучи по специальности инженером-механиком по двигателям внутреннего сгорания, по окончании ВУЗа он приходит на работу в отдел двигателей Центрального автомобильного и автотракторного института, НАМИ. Начав с инженера, через 30 лет он будет работать здесь уже в должности главного конструктора по двигателям. Он только два раза покинет НАМИ. Первый раз — на пять лет, будучи принят в качестве ведущего инженера на «почтовый ящик» Министерства радиоэлектроники. В анкетах он писал так: «с 1959 по 1964 гг. был оформлен допуск к сведениям, составляющим государственную тайну». Этот период в папиной жизни имеет в моей памяти особый образ: проезжая на машине мимо больших тарелок, стоящих позади Останкинской башни, папа говорил: «А я такие проектировал!» Второй раз это был, собственно, окончательный уход — из Института, но не из автомобильной промышленности.

С 1986 г., в течение 8 лет, папа сменяет три работы: начальника отдела двигателей Московской дирекции Камского тракторного завода, помощника директора научно-производственной фирмы «Турботехника», связанной с производством турбокомпрессоров, экономивших топливо и уменьшающих вредные выблопы, и, наконец, заместителя директора фирмы «Нотек», занимавшейся внедрением катализаторов для очистки выхлопных газов. Помогая этой небольшой организации встать на ноги, папа проработал в ней с 1994 года, с 62 лет, будучи уже пенсионером, вплоть до самой смерти, продолжая чертить и организовывать производство, даже тогда, когда все его помыслы и желания были связаны с жизнью духовной, с приходом, с хором — всем тем, что стало для него воздухом, которым он дышал.

Читая характеристики, выдававшиеся папе на разных работах, обращаю внимание на то, что в каждой характеристике есть слова: «способный конструктор-двигателест с широким профессиональным кругозором», «высокоэрудированный специалист», «принципиальный, чуткий и доброжелательный человек», «высококвалифицированный специалист, обладающий большим конструкторским опытом и инженерной эрудицией». Кто знал папу, никогда не скажет, что эти слова имеют формальный характер. Даже те авто-

риские свидетельства и патенты на изобретения, научные публикации, которые остались одиноко лежать в его бумагах на рабочем столе, молчаливо подтверждают его профессиональную квалификацию и творческие способности.

Кстати о творчестве: до сих пор рассказываю всем с гордостью, что все рисунки в младших классах и все чертежи в старших классах школы он делал за меня. К сожалению, конструкторские способности, видимо, не передаются по наследству...

Спасибо за все то лучшее, что есть во мне, тебе, мой дорогой и любимый папочка!

Ирина ХМЕЛЬНИЦКАЯ

Когда Богдана Зиновьевича спросили: «Вы крестились в сознательном возрасте?» — он ответил: «Если 60 лет — сознательный возраст, то да». Я спрашивала его: «Почему Вы крестились?» — а он отвечал: «Я искал, Кого благодарить, и нашел Его».

«Благодарность Богу и радость о Боге» — это говорит о нем как о православном христианине всё.

Богдан Зиновьевич бесконечно любил Бога. Любая просьба: «Помолитесь» — была для него поводом еще раз обратиться к Господу, пообщаться с Ним. Он воспринимал ее с готовностью и молился — за здоровье и за упокой, за знакомых, а часто полужнакомых и вовсе незнакомых людей. Он не понимал, как можно скучать, ожидая автобуса или сидя дома в одиночестве. Ведь можно помолиться! А как Богдан Зиновьевич любил церковную молитву! С какой радостью он шел на любую службу! Нельзя не сказать и о том, что церковное пение стало для него значительной частью жизни и величайшей радостью. После утомительных ночных служб, после Литургии с молебном, отпеванием, венчанием, литией он (единственный) предлагал: «Давайте еще споем!» К службе он не привыкал. В том смысле, что любое «Господи, помилуй!», спетое

им с клироса, было проникнуто тем же трепетом и радостью, будто спето впервые.

Любовь его к ближним — людям самым разным, сложным — была, как мне кажется, непритворной. Она была по-настоящему христианской, потому что не признавала симпатий и антипатий, пристрастий, вредящих душе. Всех нас он старался любить безотносительно того, насколько мы хорошо к нему относились. В каждом из нас ему удавалось увидеть образ Божий. Он был терпелив к нашим слабостям, мог подшутить над ними, но никогда не проявлял раздражения или обиды.

Богдан Зиновьевич появился в нашей жизни как автор больших плакатов с текстами тропарей, кондаков, стихир, написанных четким, удивительно красивым почерком. Потом он стал неизменным басом «левого» хора и всех хоров, куда его звали петь, ведь он никогда не отказывал в просьбах самым разным регентам. Не зная нот, научился ориентироваться в обиходе и свободно читал с листа. Он был человеком, которому было невероятно много дано. За 14 лет жизни в Церкви, жизни со Христом, он так приумножил свой талант, что достиг, на мой взгляд, намного больше, чем люди, живущие в Церкви всю жизнь.

Вечная память новопреставленному Феодосию! Душа его во благих водворится.

Анна ПАХОМОВА
(Москва)

Трудно писать некролог о любимом человеке. От нас ушел... В этих словах есть надежда. Он ушел, но мы можем еще встретиться...

Вспоминаются как бы кадры из прожитых рядом с ним в храме лет.

Богдан Зиновьевич был легким в общении человеком. Был всегда приветлив, любил пошутить. Приносил на репетицию пакеты вкусных печенюшек и, посмеиваясь, всех угощал. Дарил на Новый год всем по мандаринке, но не простой, а с прищипленным забавным бантиком. На 8 марта всем принес по малюсенькой открытке, где изящнейшим своим почерком написал каждой из нас свое отдельное пожелание. Любил дарить подарки, особенно «девчонкам». Как-то он сказал мне: «Я очень вас, девчонок, жалею. Мне еще в 16 лет первый раз пришла мысль, что женщинам на свете живется намного труднее, чем мужчинам. И с тех пор я, как могу, стараюсь облегчить им жизнь». О своей жене всегда говорил тоже как о «девчонке»: «Вот моя Наташка...»

Богдан был очень обязательным человеком. О чем ни попросишь — обязательно выполнит, можно не беспокоиться. Помню, как-то у меня сломался будильник, и пока мы не купили новый,

он звонил мне в воскресенье в полшестого утра, чтобы разбудить на раннюю службу. И так было приятно с утра слышать его веселый голос, что даже встать легче...

Сравнительно недавно я узнала, что он ухаживал за больной и очень старой тещей, и хотя ему было это физически трудно, он говорил о своих дежурствах без тени ропота, с сочувствием к теще, но, как обо всем, и с долей юмора.

Последнее время, когда хор собирался на спевки у меня дома, мы разговаривали несколько раз с Богданом Зиновьевичем по телефону. Мне запомнилась глубина чувства, с которым он говорил о своей любви к Господу. Он говорил, что в его жизни это теперь самое главное, все остальное отошло на второй план. И петь на клиросе, воспевать славу Богу было огромным счастьем для него. А для нас — хорошо было стоять на службе вместе с ним, молиться вместе. С ним было легко.

О чем еще написать? О том, что мои дети его очень любили, ждали, когда он снова придет на репетицию? О том, что он с большой любовью говорил о своих детях, о том, как важно, чтобы дети выросли людьми порядочными, чтобы им было интересно то, что они делают? О том, что, если выпадало петь не ему, а правому хору, он шутливо вздыхал: «Придется помолиться!» и молился всегда, если просили о ком-то помолиться особо? О том, что он любил чертежное дело, да и вообще работал почти до конца, еще зимой, кажется, ездил в какую-то командировку? О том, что когда у него случился первый сердечный приступ (а может, и инфаркт), он сказал мне об этом, чтобы его не ждали на службу, но запретил говорить остальным — чтобы не волновались?

Человек, вернее, образ его в нашей душе, часто складывается из множества мелочей. Как он стоит, смотрит, говорит, смеется... Как он принимает в тебе участие. Как умеет трудиться и праздновать. Как говорит о других людях. Все эти мелочи трудно передать, но они живут в душе, и будут жить там. Мне не хватает Богдана Зиновьевича. И я сочувствую всем, кому его будет не хватать в жизни. Но ведь всегда есть надежда, что в Царствии Божьем встретит он нас со своей, такой родной, улыбкой и скажет: ну вот, здравствуйте.

Елена ЛАНСКАЯ
(Антверпен — Москва)

Для меня главное воспоминание о Богдане Зиновьевиче — это тембр его голоса. Но как описать его? Могу сказать, что мне он очень нравился. Это был бас-баритон, красивый, глубокий, звонкий, достаточно громкий, но не крикливый. В нем были одновременно и благородство пожилого человека, и мальчишество, ребячество, озорство, а

также доля кокетства (я слышал, в молодости он был фантомом и, в частности, имел страсть к приобретению галстуков, которых у него было бесчисленное множество). И еще он был очень ласковый. Будучи профессиональным музыкантом, и являясь одним из регентов нашего храма, я волей-неволей начинаю оценивать голоса, которые слышу, с чисто профессиональных позиций. Эмоциональная же оценка (красивый — некрасивый, нравится — не нравится) зачастую отступает на второй план. В случае же с Богданом Зиновьевичем, не покрывив душой, скажу, что его голосом я наслаждался все время, что мне приходилось его слышать, как при пении, так и в личном общении. А за более чем десять лет нашего с ним знакомства это было бесчисленное множество раз.

Богдан Зиновьевич (в крещении — Феодосий, что является греческим эквивалентом имени Богдан) был человек необыкновенный. Очень светлый. Очень радостный. Внутренне гармоничный. Я помню, как, представляясь, он с улыбкой спросил меня, какая фамилия должна быть у Богдана, а потом, видя мою растерянность, сам же и ответил: «Конечно, Хмельницкий!». Тетка и однофамилец знаменитого гетмана, он относился к этому с юмором. И, конечно же, он был начисто лишен властности или воинственности, свойственной царственным особам и полководцам.

Он любил бывать в храме, посещал почти все богослужения (приходя в храм еще до их начала, одним из первых), не теряя к ним интерес. Он имел неподдельный интерес ко всему, с чем соприкасался, интерес к жизни, и именно это, мне кажется, притягивало к нему людей. Общаться с ним было легко и радостно, причем он находил общий язык и со своими сверстниками, и с молодежью. Он был компанейский человек, душа любого застолья. И еще одно важное качество его души — стремление делиться с другими тем, что у него есть, и, прежде всего, — своей радостью: через внимательное отношение к окружающим, доброе слово, шутку, подарки, которые он дарил нам на Рождество и на Пасху. Об этих трогательных подарках надо сказать отдельно: что-нибудь вкусненькое (конфетка, мандаринка), открытки, репродукции икон, а также свернутые листочки бумаги (наподобие лотерейных билетов), вытянув и развернув которые, вы прочтете какую-нибудь душевную фразу.

Он пел на клиросе нашего храма с разными регентами: Машей Белевицкой, Леной Ланской, Димой Васильевым, Володей Шишкаревым, со мной, грешным, но более всех был привязан к Ане Москалевой (Пахомовой) — замечательному регенту, руководившей левым, а затем и правым хорами в середине 90-х годов. Именно в Анином хоре Богдан Зиновьевич начал петь на клиросе, и там мы с

ним познакомились. Я с большой теплотой вспоминаю время, когда пел в хоре у Ани; репетиции, которые проводила педагог по вокалу Мария Андреевна Ганешина, с непременными разминкой и распевкой, носившими внешне налет несерьезности, детскости, однако чрезвычайно серьезными при более близком знакомстве с ними. Помню ощущение восторга от того, что профессиональный музыкант (Мария Андреевна) не только не стесняется, но и находит удовольствие заниматься с людьми без серьезного музыкального образования, составлявшими основу этого хора, высвобождая и раскрепощая их музыкальные способности, их голоса. А также от того, что Богдан Зиновьевич, взрослый человек с высшим техническим образованием, с удовольствием участвовал в этих репетициях, не считая это для себя чем-то зазорным, унижительным. Богдан Зиновьевич продолжал петь в этом хоре и после того, как он перестал быть хором нашего храма, ездил вместе с ним в церковь в деревне Каблуково под Москвой. В те дни, когда поездки в Каблуково совпадали со службами в храме Космы и Дамиана, Богдан Зиновьевич отдавал предпочтение этим поездкам, сохраняя верность Ане, своему любимому регенту.

В остальные же дни при любой возможности он приходил на службы к нам в храм, не теряя к ним интереса. Сам он говорил, что готов участвовать в богослужениях хоть каждый день...

Я общался с ним в основном на клиросах, нашем и Каблуковском (туда я тоже ездил, хотя не так часто, как он), на спевках, вечерах прихода, Меневских вечерах — то есть, в широком смысле этого слова, в храме. О его жизни вне храма я знаю немного, сведения эти отрывочные. Но то, что мне известно, рисует его с самой лучшей стороны. Например, то, что по своей работе он занимался разработкой нейтрализаторов выхлопных газов для общественного транспорта города Москвы — дело, по-моему, в высшей степени благородное. И он очень жалел о том, что правительство Москвы потеряло интерес к этой программе и работу не удалось закончить. Или история, которую вспоминали на поминках: о том, как он спас чужую собаку из канализационного колодца, получив при этом многочисленные шрамы и покусывания от нее. Я помню, какой радостью светило его лицо, когда он сам рассказывал эту историю по горячим следам.

В последний год его жизни, так уж получилось, у нас с ним было несколько доверительных разговоров, в которых всплывала тема смерти, — он сам заводил речь об этом. И в его отношении к смерти воскидало полное спокойствие. Сознывая возможность своей скорой кончины из-за проблем со здоровьем, с сердцем, он был готов ее принять, доверяя воле Создателя, и не боялся об

этом говорить — просто, естественно, без позерства. Честно говоря, я тогда не очень верил в скорую кончину Богдана Зиновьевича, считая, что человека, осознающего свою уязвимость, следящего за своим здоровьем (здесь, как и во всем другом, он был очень аккуратен), смерти сложнее заставить врасплох, — я и ему говорил об этом. Но Господь решил иначе. И вот, в один из сентябрьских дней, по дороге на работу я получаю SMS-ку от Ани Москалевой: «Молитесь об упокоении новопреставленного раба Божия Феодосия».

Богдан Зиновьевич умер неожиданно. До последнего дня своей жизни не прекращая петь на клиросе. В его отпевании участвовал огромный хор из певчих и регентов, знавших Богдана Зиновьевича, певших когда-либо вместе с ним. Отец Александр Борисов говорил о нем теплые слова. О том, что такие люди, как он, надолго оставляют память о себе. Добрую, светлую, вечную память.

Михаил АНДЗЕЛЕВИЧ

Если бы воспоминания можно было ограничить одной фразой, я сказала бы: «Он жил по Евангелию». Всё, что он делал и говорил, было проповедью Христа для мира. Самый простой повод — тост за приходской трапезой — он мог использовать для того, чтобы еще раз сказать: «Ребята, читайте Евангелие...» (между прочим, реальное начало тоста, сказанного за столом в Каблуково). И это не звучало ни дико, ни банально. «От избытка сердца глаголют уста», — говорил про Богдана Зиновьевича отец Сергей, настоятель храма Спаса Нерукотворного в Каблуково, в котором он пел на клиросе в течение почти десяти лет — с 1997 года.

И еще: многие люди, общавшиеся с ним, да и все, кто хоть один раз встречался с Богданом Зиновьевичем, все говорили мне: «Я его помню, мы с ним говорили о том-то и о том-то, он такой исключительный — умный, добрый, понимающий, простой человек. Одна моя знакомая, которая видела Б.З. первый и последний раз в жизни два года назад, сказала мне после его смерти: «Это был настоящий джентльмен». Тот, кто видел и слышал Богдана Зиновьевича хоть один раз, «попадал в его поле», — будет помнить его всю жизнь. И это как у апостола Павла: «Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (1 Кор. 9:22), он не подлаживался под вкусы собеседника, просто он так жил. И этим реально спасал многих — от малодушия, от уныния, от падения духом. Этим он исполнил слова апостола: «Подражайте мне, как я Христу». Наверное, это главное, о чем я всегда буду помнить, думая о Богдане Зиновьевиче.

Марина БЕЛОВА

Христианская переписка с заключенными — способ поддержки братьев и сестер в узлах, который вполне доступен каждому христианину. Он не требует больших временных затрат (если вы переписываетесь с одним заключенным, то пишете примерно одно письмо в полтора месяца). Зато что это значит для человека, который ищет общения в Боге!

У всех, кто собирается начать переписку, возникают какие-то сомнения.

Первое. Вопрос времени. Попробуйте вовлечь в переписку новых людей, мы часто сталкивались с распространенным ответом: и рад бы, да времени совсем нет. Но даже с самой ближайшей зоной Вы будете переписываться не чаще раза в 1.5-2 месяца, а с удаленной — раз в два, три месяца.

Второе. Переписка не должна вестись на домашний адрес. Сейчас это кажется очевидным, но по началу ты думаешь, что писать будут тебе домой и это вызывает опасения. Можно писать на адрес храма, или, если это удобнее, на какой-нибудь почтамт, мимо которого часто ходишь, до востребования.

Третье. Страх «медицинский». Письма приходят от туберкулезников и возникает вопрос, не передается ли эта зараза через письма? Это искушение чистой воды, ведь кто позволил бы им писать на волю, если бы это распространяло туберкулезную заразу? Никто. Туберкулез легких распространяется аэробным путем, т.е. туб. палочки живут во влажной среде, заражение может произойти при непосредственном контакте с больным.

Теперь, что касается материальной поддержки наших корреспондентов. Вообще говоря, когда начинаешь переписку, надо реально рассчитывать на собственный возможный минимум. Это ваше творчество, ваша свобода, ваше время и ваш кошелек, в конце концов. Мы стараемся как-то и материально их порадовать. Но это уже личный опыт, о котором мы можем лишь сообщить, ни в коем случае его не навязывая. Обычная практика — собирать бандероли к большим праздникам — Пасхе и Рождеству. Ко дню Ангела и дню рождения можно написать открытки, далее можно какие-то книги, важные для вас посылать, чтобы иметь возможность их потом обсудить. В Пасхальные бандероли можно складывать кроме стандартного набора: чай, конфеты, сладкие плитки, бульонные кубики, кусочки артоса, сувенирчики. В Рождественские тоже что-то личное, например шерстяные носки послали одному заключенному, который переехал из своих теплых краев на Урал. Это было немного,

ПЕРЕПИСКА С ЗАКЛЮЧЕННЫМИ ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

но он писал потом, что плакал, когда получил эту бандероль.

Необходимо знать правила, по которым заключенные могут получать бандероли и посылки с продуктами и вещами. Дело в том, что без ограничений в зоны пропускают только заказные и простые бандероли. А в них можно отправлять только книги, тетради, конверты.

Продукты, одежду, туалетные принадлежности можно отправлять только ценными бандеролями и посылками. Но на эти отправления в каждой зоне свои ограничения. Перед тем как послать даже небольшую ценную бандероль, надо выяснить, может ли заключенный ее принять. Иначе можно получить свою посылку обратно, и заплатить за обратную пересылку. Кроме того, не все продукты можно посылать. Сахарный песок, например, почти нигде нельзя. На виды и цвет одежды тоже существуют ограничения. Все это надо узнавать у конкретного человека, если соберешься ему что-то послать.

В письмах надо соблюдать грань: не впадать в нравоучительный тон и псевдопастырство, с одной стороны, не переходить на слишком личную душевную переписку, с другой.

Другими словами можно сказать так: поскольку главная цель переписки - восполнять недостаток катехизических знаний, то очень важно для переписчика разделять вопросы на пастырские и катехизические. Катехизические вопросы необходимо освещать по возможности доступно и полно, подбирая соответствующую литературу. С пастырскими вопросами надо быть очень осторожными. Все вопросы пастырского характера по возможности надо переадресовывать священнику, а если у заключенного по той или иной причине нет возможности обратиться к нему, то надо говорить, что я посоветуюсь с духовником группы, спрошу его, тогда передам вам его ответ.

Сколько может быть корреспондентов у одного переписывающегося? Думается, что для достаточно занятого человека переписываться с двумя-тремя людьми - это нормально. Больше - это особый труд, служение, которое надо брать на себя, очень хорошо рассчитав свои силы. На первых порах новые члены нашей группы берутся переписываться с одним заключенным. Это тоже нормально.

Еще хотелось бы обратить внимание на такой действительно важный вопрос.

Если вдруг по каким-то причинам человек не сможет больше переписываться, можно ли прервать переписку? Или он становится заложником этого служения?

Мы можем не рассчитать свои силы, у нас могут измениться жизненные обстоятельства. Мы должны помнить, что Господь дал нам свободу. Конечно, если невозможность дальнейшей переписки связана с нашей греховностью, мы должны проанализировать, что в нас к этому привело и покаяться, должны также спокойно извиниться перед нашими корреспондентами, а не просто пропасть. По возможности передать переписку другим переписчикам. Если у нас изменились обстоятельства, то тоже следует кратко объяснить ситуацию и извиниться.

Обязательно надо взять благословение на прекращение служения переписки. Это внутренне облегчит нелегкую ситуацию разрыва.

Хотелось бы предложить некоторое личное обобщение. Это деление корреспондентов на «легких» и «тяжелых». «Легкими» являются духовно проснувшиеся люди. Они действительно хотят много узнать и во многом разобраться. Они, можно сказать, «растут на глазах», потому что «держатся» за Господа изо всех сил.

«Тяжелые» корреспонденты быстро скатываются на потребительские отношения. Главным для них в переписке становится то, что через нее можно что-то иметь. Хотя начинаться она может вполне на духовном уровне. Но обстоятельства их жизни в зоне порой так тяжелы, что они продают полученное было первородство за чечевичную похлебку. Не выдерживают искушений плоти. Их трудно в этом обвинять, так как никто не знает, как бы мы сами повели себя в этом случае, но переписку становится вести нелегко. Надо все время переводить их голодный взгляд на более высокие проблемы. Кстати, таким людям лучше много книг не посылать. По немощи своей они могут их при случае использовать не по назначению. Бывают также корреспонденты, которые находятся в состоянии духовного самообольщения. Это обычно люди, ставшие в оппозицию православной общине в зоне, или долго сидящие в камере, куда не приходят священники. С такими людьми переписку надо вести предельно осторожно, по возможности ограничиваясь «легкими» письмами и бандеролями с душеполез-

ной литературой для новоначальных. Ни в коем случае не посылать литературу аскетического толка, которую они обычно и просят: «Добротолюбие», труды Святителя Игнатия (Брянчанинова) и т.д., стараться советоваться со священниками.

Люди, попавшие в места лишения свободы, в своей массе были лишены самого главного - любви, той самой о которой говорит апостол Павел: «Любовь долготерпит, милосердствует, не ищет своего...», причем лишены как-то очень сильно. Мы, переписчики, должны хоть как-то восполнять эту недостачу, а значит мы не в каком случае не можем поучать, корить, отвергать, даже спорить. Мы должны им только помогать, советовать, если спросят, сочувствовать и относиться с максимальным терпением.

Опыт придет только в процессе переписки. Все равно не избежать ошибок, промахов. Ваш же собеседник и будет основным вашим учителем. Ошибок не надо бояться. Если мы искренни в своем желании помочь этим людям, то Господь покроет наши ошибки.

Памятка для начинающих переписываться с заключенными.

Начиная переписываться, вы должны помнить, что имеете дело с людьми, которые в своей жизни были обделены любовью. Это детдомовцы, сироты, выходцы из асоциальных семей. Страстная природа чувств в них брала и берет верх над разумом и волей. Именно «игра страстей» и привела их на скамью подсудимых. Поэтому в переписке с ними надо с одной стороны стремиться быть максимально терпимым и доброжелательным, но с другой стороны соблюдать некоторые правила.

Не следует давать своих личных адресов, адресов своих друзей и близких, а также других координат. На все вопросы, почему это именно так, объяснять, что нет благословения. Можно так же пояснить, что письма проходят через разные руки, их могут увидеть или даже выкрасть соседи по камере, что такое бывало и не раз, что для вас это нежелательная ситуация.

- Переписка, прежде всего, должна преследовать цель духовной поддержки брата или сестры во Христе, которые часто не имеют другой возможности общаться на духовные темы. Поэтому нежелательно делать переписку слишком личной и откровенной, необходимо держать дис-

танцию. Надо поощрять вопросы о вере, церкви, духовной жизни, но ни в коем случае не брать на себя роль «духовника», лучше чаще ссылаться на труды св. отцов, Евангелие, традицию церкви. Если возникают сложные вопросы духовной жизни, говорить, что вы посоветуетесь со священником и тогда ответите.

- Материальная поддержка возможна, но только в личном порядке. Общая установка должна быть следующей. Вы лично можете чем-то помочь (если можете), но тоже очень ограничены в средствах (если это так). Не надо стесняться описывать реальную обстановку с жизнью и ценами в Москве, ведь часто приходится иметь дело с людьми, которые давно сидят и не имеют никакого представления о реальной современной жизни, ее трудностях.

- Даже если есть большое желание и средства позволяют, не стоит сразу после первого или второго письма высылать ценные бандероли, или посылки. В большинстве мест заключения существуют ограничения на количество таких отправлений.

Неограниченно можно посылать толь-

ко литературу в заказных бандеролях. В любом случае лучше сначала спросить, в чем нуждается брат, сестра, или община, а потом уже благотворить.

- Хорошо вкладывать в свое письмо чистый конверт, т.к. конверты, бумага и ручки являются большим дефицитом в зоне. Человек может не ответить на ваше письмо просто потому, что у него нет конвертов, и он не может их выменять. Кстати, именно конверты, бумага и ручки являются тем, чем в первую очередь можно порадовать заключенных. К празднику (Пасха, Преображение, Рождество) можно послать чай, карамель, бульонные кубики.

...Одному святому отцу было откровение Господа нашего Иисуса Христа о том, что ради возможности спасти ещё хоть одного грешника, Он готов еще тысячу лет распинаться на Кресте! Не стоит и нам ради вероятности спасения хотя бы одного грешника написать тысячу писем?

Взято с сайта:
<http://www.miloserdie.ru/index.php?ss=1&s=6&id=296>

ОБЪЯВЛЕНИЕ

1. Не хватает людей, которые могли бы взять на себя переписку с заключенными! Люди прислали на адрес храма письма, полные боли и надежды на отклик, у некоторых из них не осталось на воле ни родных, ни друзей, а отвечать им некому. Просим отозваться тех, кто ответится к этому служению ответственно, не бросит доверившегося ему человека на полпути и сможет вложить в это дело не только время, но и душу. Подойдите, пожалуйста, после поздней воскресной Литургии к «гражданину начальнику» нашей группы Арсению Когуту. Этого высокого симпатичного парня нетрудно заметить даже в воскресной толпе (можно спросить о нем у священников). Или подойти в ближний домик во дворе, где обычно собирается группа.

2.. На стенде, посвященном тюремному служению (на стене у входа, за дверью комнаты дежурных по храму) появилась тетрадка, куда можно записывать, в чем нуждаются наши «друзья по переписке». Те, кто может поделиться «искомым», может обратиться к тому же брату Арсению или оставить напротив объявления свой e-mail.

3. У группы духовной под-

держки заключенных существует настоятельная и острая потребность в сотрудничестве с юристами, совсем бы хорошо — с адвокатами или теми, чья специализация — пенитенциарное, уголовно-процессуальное, уголовное право. Требуется, как минимум, консультации, а еще бы лучше — помощь в составлении заявлений и жалоб в порядке надзора и пр.

4. Самая несерьезная и легкая для исполнения просьба: один из отбывающих ПЛС в «Белом лебеде», Юрий К., написал, что в колонии имеется нужда в дисках DVD или видеокассетах с хорошими, умными фильмами, аудиокассетах с записями богослужений и проповедей. Их даже обещали чаще выводить на просмотр, если удастся пополнить фильмотеку (представляете, какое это событие для людей, видящих только четыре стены своей камеры!). Духовная литература для заключенных тоже всегда нужна. Так вот, дорогие братья и сестры, если у вас есть возможность поделиться или переписать фильмы, не просто занимательные, а способные побудить зрителей к работе ума

ИЗ НАШЕЙ ПОЧТЫ

Много лет в нашем храме ведется переписка с заключенными, людьми, осужденными за преступления разной тяжести, получившими различные сроки, вплоть до пожизненного. Это очень непохожие люди, с разными судьбами. Среди них немало людей неординарных и по настоящему талантливых. Многие из них начали задумываться о Боге, только попав в эти трудные обстоятельства. Нередко их размышления о жизни выливаются в стихи. Одно из таких стихотворений дала для публикации наша прихожанка Марина Александрова.

**Для меня жизнь — Христос
(Флп. 1:21)**

Что мне золото бrenного мира?
Что мне царский удел вековой?
Что мне гимны хвалебные пира?
Если нет Иисуса со мной!

Что мне чаша владык венценосных?
Что мне проку от славы земной?
Не найду себе места под солнцем,
Если нет Иисуса со мной.

Что мне радости, что мне печали?
Что волнение или покой?
Отличу день от ночи едва ли,
Если нет Иисуса со мной!

Без Него мир похож на пустыню,
Без Него сердце высушит зной,
У воды я от жажды погибну,
Если нет Иисуса со мной!

Без Него остановится время,
Без Него я — ничто, прах земной,
Мне и жизнь непосильное бремя,
Если нет Иисуса со мной!

*Марина Лебедева 1964 г.
Осуждена за убийство,
мать двух мальчиков.*

и сердца, то передайте их тому же Арсению или отошлите по адресу:

618545 Пермский край, г. Соликамск, УТ-389/02-02. Психологу ИК-2 ст. л-ту Якушеву Олегу Юрьевичу. В бандероль нужно вложить записку: «По просьбе Юрия Васильевича Кучеренко — для общего пользования». Спаси вас Бог!

О ПОБЕЖДАЮЩЕМ ХРИСТИАНСТВЕ

Так называется книга игумена Евмения (Перистого), вышедшая в издательстве «Свет Православия» в 2006 г.

Сначала об авторе: игумен Евмений — довольно молодой еще человек, он родился в 1969 году в Донецкой области. Пришел в Церковь в 14 лет, а в 20 лет (1989 г.), отслужив в армии, принял монашеский постриг в Киево-Печерской Лавре. Возглавлял лаврское издательство «Свет Печерский». С 1992 года по 2006 был настоятелем Макарьево-Решемского мужского монастыря Ивановской епархии, где проходили реабилитации наркозависимые со всей России. Стал редактором издательства «Свет Православия» и директором Духовно-Просветительского Центра. А сегодня он ко всему прочему еще и руководитель программы «Альфа-курс» Миссионерского отдела Московского Патриархата. На его счету уже несколько книг: «Пастырская помощь душевнобольным», «Духовность как ответственность», «Луч надежды в наркотическом мире», «Батюшка, я — наркоман!», «Здравствуй, малыш!», «Аномалия родительской любви».

Около десяти лет игумен Евмений занимается работой среди наркозависимых, проповедует молодежи. У него богатый опыт общения с миром, в котором мы живем и где неблагополучных и нездоровых людей гораздо больше, чем здоровых и счастливых. В своих книгах и интервью он не раз подчеркивал, что сегодня людей подстерегает масса зависимостей, которые искажают нашу жизнь. «Зависимость — это зна-

чит, что ты завис, ты зависишь и зависишь глухо. Ты не можешь сам себя снять с того, без чего ты не можешь жить. И в этом смысле наркотиком может быть огромное количество вещей. Есть никотиновая зависимость, алкогольная зависимость, есть зависимость от пива. Наши нынешние средства массовой информации лукавят, когда говорят: „алкогольные напитки и пиво“. Пиво — алкогольный напиток, вызывающий устойчивую зависимость, которая ведет потом к другим формам зависимости. Существует сексуальная зависимость, когда человек не может контролировать свою сексуальную функцию, реализует ее беспорядочно и в нарушение законов, установленных Творцом. Существует зависимость от телевизора, от e-mail'a, от Интернета, от компьютерных игр».

Где же выход? Выход во Христе, в здоровом образе жизни, который проповедует Евангелие и Церковь. Нормальные отношения, по мнению о. Евмения, это отношения людей, освященных Духом Святым, познавших любовь Христа. Но те, кто называют себя христианами, верующими, не сильно сегодня отличаются от неверующих. Наше общество больно, потому что, прежде всего, больны христиане, те, которым заповедано быть светом и солью. Это отражается в первую очередь на молодых.

В одном из своих интервью о. Евмений отмечал: «Молодежь сегодня нуждается в лидерах, авторитетах, по которым можно было бы строить жизнь. Поскольку молодежь (и это вполне естественно) претерпевает разочарование в официальных авторитетах (родители, учителя), нередко молодые люди находят их в главарях бандитских команд, или же строят жизнь по самым вызывающим образцам, наподобие Мэрлина Менсона».

И в этом вина христиан, которые вместо того, чтобы быть духовными лидерами общества, становятся его

аутсайдерами, плетутся в хвосте, уходят от решения проблем, отговариваясь, что «они не от мира», а на самом деле они просто сдают позиции, сдают тем, кто руководствуется далекими от

Евангелия принципами. Голос христиан не слышен в обществе, пример их не вдохновляет. Христиане сегодня побеждены, подавлены, пленены миром, а между тем, считает о. Евмений, они должны быть победителями, потому что Христос победил смерть, зло, грех. Христианин — это тот, кто следует за Христом, идет Его путем, берет свой крест, то есть, ответственность за свою жизнь, кто побеждает зло, грех, дух уныния в своей жизни. Эта победа дается не суперменам, а самым обыкновенным людям, которые открываются силе Духа Святого. И эта победа вдохновляет других.

Книга игумена Евмения так и называется — «О побеждающем христианстве». В ней собраны многочисленные его интервью, в которых он размышляет о том, каким должен быть христианин в современном мире. Надо сказать честно, что о побеждающем христианстве у нас пишется мало, может быть, потому что мы не очень сильно верим в того, Кто дает нам эту победу. Вера современного человека должна быть оптимистичной, потому что более всего нам не хватает уверенности в Божьей победе. Автор книги уверен, что Воскресение Христово имеет к нам самое непосредственное отношение, и в этом он солидарен с апостолом Павлом, сказавшим: «если Христос не воскрес, то вера наша тщетна».

Наталья БЕЛКИНА

ДОРОГИЕ БРАТЬЯ И СЕСТРЫ!

С вами хотели бы переписываться заключенные, чьи письма приходят на адрес нашего храма. Они очень нуждаются в духовной и просто человеческой поддержке, в добром слове, в ознакомлении с сокровищами Православия. От вас в какой-то степени зависит, коснется ли их сердец Благая Весть, пожелают ли новой жизни во Христе или выйдут на свободу еще более ожесточившимися.

Обращайтесь после воскресной поздней Литургии к руководителю группы духовной поддержки заключенных Арсению Когуту или оставьте ваши координаты в папке для писем у дежурного.

ПРИГЛАШАЕМ В ДЕТСКИЙ ХОР ХРАМА!

Мы занимаемся по воскресеньям после поздней литургии.

Младшая группа, 6 - 10 лет, - в 12.00, старшая группа, 11-17 лет, - в 12.00.

Детский хор участвует в важнейших праздничных богослужениях.

По всем вопросам обращайтесь к регенту правого хора Марине Насоновой.

НОВЫЕ КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА БИБЛЕЙСКО-БОГОСЛОВСКОГО ИНСТИТУТА

ДИАЛЕКТИКА СЕКУЛЯРИЗАЦИИ

Юрген Хабермас, Йозеф (Бenedикт XVI) Ратцингер. Пер. с нем. М., изд. ББИ, 2006

В диалоге Юргена Хабермаса и Йозефа Ратцингера обсуждается вопрос о секулярных принципах современной европейской цивилизации. К дискуссии приглашены собеседники, имена которых приобрели символическое значение для всего интеллектуального мира. Юрген Хабермас говорит о практическом разуме постметафизического секулярного мышления, Йозеф Ратцингер — о реальности человека как творения, предшествующей всякой рациональной общественной обусловленности. Оба отталкиваются от того, что перед секулярным государством стоит множество внешних и внутренних проблем, связанных с религиозным мировоззрением. Возможно ли их решение? Столкнулись ли мы с кризисом права, кризисом либерального государственного устройства, кризисом сосуществования культур? Есть ли иная коммуникативная и этическая основа светского общества, с совершенно иным, по сравнению с прошедшим столетием, местом религии в культуре?

ТАЙНА ТАИНСТВ

Пол Хаффнер. Пер. с англ. М., изд. ББИ, 2006

В книге исследуется историческое развитие учения о таинствах церкви: библейские основания, осмысление таинств в святоотеческую эпоху и в современном богословии, особенности совершения в различных конфессиях, догматическое значение. Книга адресована преподавателям, студентам, священнослужителям, катехизаторам, а также всем читателям, интересующимся вопросами веры и христианской жизни.

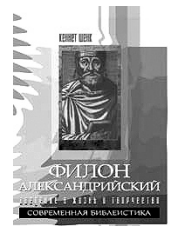
Семь таинств церкви — основание христианской жизни и духовности, однако часто для широкого круга людей вне церкви они остаются лишь малопонятным ритуалом, не представляющим собой актуальной жизненной ценности, для церковных же людей, — только сакральным опытом их веры, обедненным недостатком знания об истории и богословии таинств. Эта книга поможет глубже понять тайну таинств церкви всем, у кого есть интерес к вопросам веры и христианской жизни.

Книга относится к лучшим современным исследованиям о природе таинств и развитии учения о таинствах от библейских оснований и трудов отцов церкви до сочинений современных богословов.

ФИЛОН АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ

Введение в жизнь и творчество Кеннет Шенк. Пер. с англ. М., изд. ББИ, 2006

Эта книга чрезвычайно важна для понимания интеллектуальных традиций эллинистического иудаизма, эллинистической философии, культурного контекста Библии и истории раннего христианства. Кеннет Шенк предлагает руководство для понимания сложных философских трудов Филона, перечисляет основные темы и содержание его работ, а также описывает современное состояние изучения Филона. Написанная прежде всего для студентов богословия, эта работа служит прекрасным ориентиром в жизни и творчестве Филона для всех, кто интересуется творчеством философа, стоявшего у истоков христианской цивилизации.

НА ПУТИ К СИНТЕТИЧЕСКОМУ ЕДИНСТВУ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Философско-богословское наследие П. А. Флоренского и современность. Под редакцией Владимира Поруса. М., изд. ББИ, 2006

В книгу вошли доклады ведущих специалистов, философов и богословов, сделанные на конференции, посвященной Павлу Флоренскому, проведенной Библейско-богословским институтом св. апостола Андрея и Институтом восточных церквей (Регенсбург) с 29 сентября по 2 октября 2005 года.

ПОСЛУШАЙТЕ ДЕТЕЙ. ПРИСЛУШАЙТЕСЬ, НАКОНЕЦ.

Сост. Аньет Кемпбелл. 4-е издание. Пер. с англ. М., изд. ББИ, 2006

Две книги, собранные в один том, возвращают нас, привыкших говорить и не способных слушать друг друга, к способности слушать себя, своих детей, Бога... Книги рассказывают об опыте многих семей из разных стран и разных поколений. Книга будет интересна как родителям с детьми, так и специалистам по психологии, катехизаторам и преподавателям педагогических дисциплин.

Адрес издательства ББИ:
ул. Иерусалимская, д. 3, Москва, 109316, тел./факс (495) 670-2200, 670-7644,
e-mail: sales@standrews.ru, www.standrews.ru

ПРИГЛАШАЕМ НА СПЕКТАКЛИ ТЕАТРА «ТИМУР»!

С 12 по 17 апреля наш храм вновь будет принимать всегда желанных гостей – детский христианский театр «Тимур» из Харькова. Уже более 10 лет ежегодно ребята привозят в Москву свои спектакли, каждый раз новые. На этот раз харьковчане покажут инсценировку по книге Патриции Сент-Джон «Следы не снегу».

Всех взрослых и детей приглашаем 13 апреля, в пятницу, в 19-00 в Украинский культурный центр на Старом Арбате, 9 (напротив Вахтанговского театра). Вход бесплатный. Продолжительность спектакля – 1 час.

Те, кто бывает по субботам в Семхозе, смогут посмотреть эту пьесу 14 апреля в 14-00 в ДК «Дубрава». Спектакль будет показан также в институте протезирования, который опекают наши прихожане, и в ЦВСНП – центре временного содержания несовершеннолетних правонарушителей, где «Тимур» выступает в каждый свой приезд. Многие «космодемьянцы», которые бывали в Харькове на духовных фестивалях по приглашению Василия Сидина, художественного руководителя «Тимура», знают, как радушно там принимают гостей. Давайте и мы подарим детям радость! Те, кто готов принять у себя дома ребят, могут в воскресенье после Литургии оставить свои координаты Алле Калмыковой.